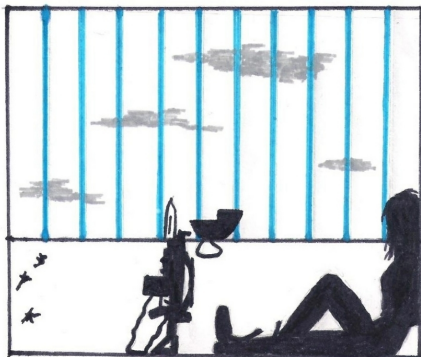

16+

Вадим Плугов

Нектар небес

Вадим Плугов

Нектар небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45876597

SelfPub; 2020

Аннотация

Будущее явилось чудовищно жестоким по отношению к молодежи. В деспотичном государстве ученые изобрели способ непрерывного поддержания человеческой молодости, а правительство установило его законодательством, в соответствии с которым, у молодых людей забирают их здоровые тела, удаляют из них их личности, чтобы поместить в эти тела сознания пожилых и (или) больных богачей и (или) влиятельных людей, ради продления жизней последних. Производится такая ужасная процедура в организации называющейся "Нектар небес". Главная героиня, ставшая жертвой этого бесчеловечного закона, оказывается в ее стенах.

Вадим Плугов

Нектар небес

Посвящается всем авторам фанфиков.

Дорогие друзья!

*Чтение фанфиков было для меня чрезвычайно увлека-
тельным и во многом подвигло на написание этой истории.*

*Очень надеюсь и на обратное: прочтение моей книги бу-
дет интересно и вам!*

Глава 1

Гул двигателей над крышей, от которого дребезжат стекла в наших потрескавшихся от времени деревянных рамах, заставляет меня очнуться от тягостного забытья и открыть глаза. Даже не смотрю на циферблат своего здорового старенького будильника, потому что и так знаю: сейчас без одной минуты шесть утра, или, как на моих наручных электронных часах, 05:59. Значит, мое время уже настало и я вступила в самый страшный в нашей стране возраст. Что должно было случиться в этот момент? Гром и молнии? Разверзнувшиеся небеса? Всемирный потоп? Нет. Ничего подобного. Все как и было до этого. Вижу в предрассветной полумгле только край подушки, стенку ящика моего тоже далеко не ново-

го письменного стола и шторы. Усилим воли сажусь на кровати. Через одну минуту позвонит здоровяк будильник с семейством медведей, идущих на водопой, изображенным на циферблате, официально известив: «Подъем!» – но этой ночью мне так и не удалось уснуть ни на секундочку, сколько ни ворочалась в постели с закрытыми глазами.

Нахожу на ощупь свои заношенные спортивные штаны, лежащие на стуле перед столом, надеваю их, затем спускаю ноги на пол и нащупываю тапки большими пальцами. Вставляю в них ноги. В этот самый момент жутким звоном, который у нас дома называют «термоядерным», звонит будильник. Я ловким, отточенным движением рук хватаю его и выключаю. Не успела выключить заранее из-за своих мрачных раздумий! Пора вставать! За окном еще не рассвело. В щели между шторами видны уже гаснущие в прорезях облаков в еще темном предрассветном небе звезды и крыша дома напротив, засыпанная листвой. За спиной за стеной слышу, как пошевелился дед. Он, конечно же, уже услышал будильник и готовится встать.

Возвращаю будильник на его место на столе и иду в ванную – точнее, в наш совмещенный санузел: ванна, умывальник, туалет. В дополнение к санузлу еще там есть стиральная машина. Дед обычно встает раньше и будит меня. Но только не сегодня. Сегодня я прекрасно встану сама, потому что за всю ночь не смогла заснуть. Похоже, дед и сам прекрасно понимает это. Стоя перед освещенным лампой зеркалом,

«любуюсь» заспанной физиономией с нерасчесанной копной темных волос. Красивое лицо – гордость и счастье для любой девушки, да еще в сочетании со стройной спортивной фигурой, но в моем случае, как и множества других девчонок до меня и сегодня, и, наверное, потом, эти две важнейшие детали внешности – причина тяжелейшего психологического гнета и, возможно, страшной трагедии. Обладательница таких лица и фигуры – я, Кристина Журавлева, проживающая вместе с дедом в городе Платонин в государстве под названием Евразийская Конфедеративная Республика, возникшем на ядерном пепелище Последней мировой войны. Кто с кем воевал и, самое главное, из-за чего, никто так и не знает. Точнее, кто-то, конечно, знает, но подробности нам не говорит. Школьные уроки истории исчерпываются исключительно этой информацией. Различные регионы нашей страны, которые смогли восстановиться когда-то, после Последней мировой, были суверенными государствами – федерациями, со своими национальными валютами и собственными армиями, на разных частях погибших в войне стран, которые надо было как-то объединить, чтобы выжить, всем вместе в те тяжелые послевоенные годы. Вот их в такую страну и объединили, со столицей в Центросибирске – самом процветающем городе нашей необъятной конфедерации, которую мы между собой, в повседневном общении, называем Е-Кон. Просто и понятно. Те федерации, что существовали, давно утратили свои суверенитеты, национальные валюты и

армии. Теперь все это есть только у Е-Кона, субъектами которого они стали, а название – лишь формальность. Такое знают даже дети.

Наш город является закрытым территориальным образованием, поскольку занимается созданием авиакосмической техники. Его население составляет сто пятьдесят тысяч человек, которые живут в стареньких двухэтажных кирпичных домах поблизости от градообразующего предприятия – научно-производственного комплекса «Гротель». «Гротель» – гигантская аэрокосмическая корпорация, чьи научно-исследовательские, опытно-конструкторские и экспериментально-производственные подразделения находятся здесь, у нас, на огромной и хорошо охраняемой его территории и называются научно-производственным комплексом. Под комплексом понимается объединение различных видов научно-технической деятельности в одном предприятии. Штаб-квартира корпорации находится, конечно же, в столице, но штаб-квартира этого самого комплекса располагается тоже здесь, в нашем городе, в огромном девятиэтажном небоскребе, который острым шпилем вонзается в небо, делая при этом весь остальной город неким подобием шляпки канцелярской кнопки или тонкого гвоздика, острие которого устремляется ввысь. В ясный день небоскреб очень красиво сверкает в лучах солнца, а ясной ночью от него отражается лунный свет. Концерн производит авиакосмическую технику всех типов, а у нас в городе ее конструируют и испытывают. Целыми

днями воздух дрожит от гула могучих двигателей гравилетов, один из которых столь любезно пролетел над нашим домом несколько минут назад. Только это был регулярный рейс транспортного гравилета, а не испытательный полет экспериментального. Эту любезность он совершает каждое утро, и по нему можно сверять часы, что я иногда, в частности сегодня, и делаю.

Мой отец был летчиком-испытателем этих самых гравилетов, погиб два года назад. Моя мать умерла сразу после моих родов, а бабушка, папина мама, через два месяца после папы. Не смогла принять смерть сына, обострились старые болезни, и она ушла из жизни. Ее муж и отец моего папы, мой дед, и я остались одни. Дед, один из известных в городе конструкторов авиакосмической техники, занимается тем, что создает на компьютере, или, как он сам говорит, «вычерчивает», трехмерные модели будущих гравилетов и ракет. Когда я вырасту, мне бы тоже хотелось стать как папа – летчиком-испытателем, но дед, услышав это, сказал: «Только через мой труп!» Еще он потом добавил: «Да еще в такой стране, как эта!»

Вот здесь он прав. Насчет страны. Папа погиб при испытании одноместного палубного гравилета-истребителя, в двухстах пятидесяти метрах от борта атомного авианосца, и все, кто был на его взлетно-посадочной палубе, и некоторые из тех, кто был в палубной надстройке, включая, разумеется, руководителя полетов, руководителя испытаний, командира

авианосца и даже командира авианосной ударной группы, какого-то там контр-адмирала, прекрасно видели крушение испытываемого летательного аппарата и гибель отца. Но разрушенный пожаром и последующим взрывом гравилет упал в море и ушел под воду вместе с папой, который до последнего момента уводил его подальше от корабля, а катапультироваться уже не успел. И поскольку его тело не было найдено, он был сочтен пропавшим без вести, а значит, возможно, еще живым, что лишило нашу семью единовременной материальной компенсации по потере близкого родственника и выплат по утрате кормильца. Не хочу показаться циничной, когда речь идет о смерти отца, но деньги весьма и весьма серьезные. По крайней мере, для нас. Это окончательно добило бабушку и привело ее к смерти. Дед выдержал, а она нет. Порой мне кажется, что дед выкован из стали.

Он не оставляет попыток восстановить справедливость, доказать геройскую смерть моего папы, его сына, что в случае успеха даст нам все права на материальную компенсацию и пенсию. Успехи у деда пока отсутствуют, но он собирается попасть по этому вопросу на прием к министру авиакосмической промышленности. Однажды я сказала деду, что все его усилия ни к чему, на мой взгляд, не приведут. Дед разозлился и накричал на меня. И мне стало стыдно. Получается, что я лишаю деда памяти о сыне, моем отце, как о герое. Я, конечно же, извинилась перед дедом, и он меня простил. Он вовсе не злой. А папа лежит на глубине более пятисот

метров на дне Баренцева моря, но поскольку гравилет-истребитель, на котором он погиб, был новый и, соответственно, секретный, то место его обнаружения на морском дне было еще «обработано» тяжелыми глубинными бомбами, в каждой из которых по полтонны взрывчатки. Шансы после этого найти хоть что-то оставшееся от гравилета и его пилота на том самом морском дне и хоть как-то это идентифицировать практически нулевые. Однако дед не сдается, он у меня не из таких.

Но это еще далеко не самая мрачная сторона жизни в нашей стране. Самое интересное дальше. Когда-то, еще до моего рождения, какой-то ученый изобрел способ замещения сознания в человеке. Это когда у одного человека с помощью специального прибора полностью удаляют его сознание – все-все, что он знает, думает и чувствует, оставляя чистый головной мозг, а у другого человека его сознание, то есть все то же самое: знания, мысли и чувства – этот же прибор копирует и в тот самый, им же очищенный мозг и помещает. Таким образом, из одного человека его личность удаляется безвозвратно, а личность другого помещается в его тело. Изначально так хотели продлить жизнь умирающему премьер-министру Е-Кона, который занимал тогда эту высшую в нашей стране государственную должность, чтобы не оставлять нацию без любимого ею вождя и продолжить его драгоценное правление как можно дольше. Какие только ученые не участвовали в этом: микробиологи, физики, химики, био-

физики, биохимики, генетики, вирусологи и даже ботаники. Врачи были все, какие только можно, вплоть до психиатров и, разумеется, ветеринаров, потому что начинали эксперименты, как всегда, на зверюшках. Мыши, крысы, кошки и собаки вроде бы выдержали замещение сознания друг друга. А вот с людьми начались серьезные проблемы.

Выращивали клоны взрослых людей, экспериментировали над ними, и их новое, помещенное в них сознание начинало разрушаться после процедуры помещения, а старое, казалось бы уже удаленное, начинало возвращаться, поскольку не удавалось его полностью удалить, и оно давало о себе знать в жутких и чудовищных формах. Подопытные сходили с ума либо превращались в полнейших дебилов. Но клоны – очень дорогое удовольствие. Тогда экспериментировать стали на самих взрослых людях и брать для этого приговоренных к смертной казни осужденных. Результат тот же самый. Подопытных как побочный продукт просто уничтожали. После этого ученые перепробовали клоны всех возрастных групп и с удивлением для себя обнаружили, что для перемещения сознания больше всего подходят тела юношей в возрасте шестнадцати лет и семи месяцев и тела девушек в возрасте пятнадцати лет и восьми месяцев. Или самое большее на три месяца старше в обоих случаях, но не более, иначе произойдет вышеупомянутое разрушение сознания. Младше тоже нельзя. Рано еще – опять же разрушение сознания. Так родился критерий для отбора кандидатов,

чьи тела могут быть пригодны для перемещения в них сознания, – «шестнадцать – семь, пятнадцать – восемь». Разумеется, стареющий премьер-министр не мог позволить себе переместить свое сознание в тело юноши в возрасте шестнадцати лет и семи месяцев, и уж тем более в тело девушки в возрасте пятнадцати лет и восьми месяцев, и в таком несколько необычном, прямо скажем, облике предстать перед народом, так же как и его министры и все их последователи.

Но зато чиновники поменьше и богачи прекрасно оценили новое изобретение и уговорили стареющего премьера создать специальную клоноферму под названием Научно-экспериментальное предприятие «Олимп совершенства», которую все называют просто «Олимп», где стали клонировать идеальной красоты лиц и фигур юношей и девушек по образу и подобию имевшихся на тот момент юных моделей и спортсменов. А их внешность генная инженерия уже тогда могла несколько изменять, чтобы не были все одинаковыми. После чего стареющие сильные мира сего просто стали заказывать себе новые тела, которые выращивали как скот на убой, но в отличие от скота за ними тщательно ухаживали и не допускали никаких физических или душевных повреждений до их «передачи» заказчику, которая происходила в специально возведенном для этих целей научно-экспериментальном комплексе с патетическим названием «Нектар небес», который все называют просто «Нектар». Говорят, тот

самый премьер, при котором это все было создано, лично эти названия придумал. И ферме, и комплексу. Почему – неизвестно. Там под комплексом понимается тоже совмещение различных видов научно-технической деятельности, но главная из них – замещение сознания у одного человека с молодым телом, именуемого «изделие», сознанием другого человека со старым и (или) больным телом, именуемого «заказчик». Все это так и называется – операция замещения сознания, или сокращенно ОЗС. Молодое тело предварительно тщательно проверяется врачами на предмет отсутствия болезней и (или) повреждений. Производится это замещение при помощи двух специальных установок, напоминающих гробы или большие пеналы для помещения в них обоих тел: они герметичны, в них перед началом операции подается снотворный газ для погружения в сон находящихся в них людей, а после нее удаляется и заменяется обычным чистым воздухом. Все это управляется компьютером под строгим надзором врача-оператора, чтобы новый обладатель или обладательница юного тела был доволен или, соответственно, довольна. Мы, «простые смертные», так и зовем их – заказчики или клиенты. Сознание молодого человека и тело старого и (или) больного человека при этом уничтожаются безвозвратно. Последнее просто убивается путем мгновенного отсечения головы специальным гидравлическим ножом уже на другой установке и сжигается вместе с отсеченной головой в электропечи, чтобы не было двух людей с совершенно

одинаковым сознанием. Все эти подробности рассказывали в передачах по центральному телевидению Е-Кона. Счастливый заказчик или заказчица получает новую молодую, здоровую жизнь в юном прекрасном теле, готовом ко всем, каким только можно, радостям на свете и навсегда лишенном его исконного хозяина, ну а наша страна – очень хорошие деньги за это. Но это только для очень богатых заказчиков, поскольку клон, которого надо еще выращивать, очень дорого стоит. А новую, здоровую молодость хотят и очень многие толстосумы победнее, которым надо где-то брать здоровые молодые тела подешевле.

И они берут нас. Обычных юношей и девушек возраста «шестнадцать – семь, пятнадцать – восемь», чьи тела становятся своего рода сосудами для сохранения их сознаний, их личностей, при этом наши сознания, наши личности погибают – естественно, навсегда, а заказчики продолжают жить в наших телах нормальной полнокровной жизнью со всеми радостями, присущими молодости. Новые собственники тел остаются полноправными родственниками всех своих близких, владельцами всех своих банковских счетов и всех своих материальных ценностей.

Тот самый премьер, при котором это все было создано, возвел такую деятельность в ранг закона, и с тех самых пор это стало неотъемлемой частью нашей жизни. Сам он через несколько месяцев после всего этого умер от неизлечимой болезни, которая и была изначально причиной всех научных

изысканий в этой области, но дело его живет и процветает по сей день. Согласно этому закону требуется проводить регулярный отбор лиц, достигших соответствующего возраста, для улучшения национального генофонда. Все дети в школе, начиная с первого класса, заносятся в базу данных, содержащую исчерпывающую информацию об их личностях. Чтобы их лица и тела были хорошо развитыми и находились в целостности и сохранности, существует целая программа Министерства здравоохранения Е-Кона.

Любое физическое насилие между детьми строжайше запрещено, нарушителей порют розгами на глазах у всего класса по голым задницам. Девочкам исключений не делают, и они в случае провинности получают наказание наравне с мальчиками. После подобных воспитательных мер желающих похулиганить не остается вовсе. Все это делается не ради приучения детей к порядку и поддержания дисциплины, а из боязни, что мы повредим наши тела и они станут непривлекательны для потенциальных заказчиков. Выпоротые задницы заживут, а вот шрамы, вывихи и переломы могут остаться, и хорошее для продажи молодое тело может потерять в стоимости и даже вовсе обесцениться, а это убыток. Но этого властям мало. Обычные уроки физкультуры у нас раз в неделю, зато в тренажерный зал, который рядом с физкультурным и не уступает ему по площади, мы ходим каждый день после уроков, как на работу. Попробуй пропусти! Там мы сгоняем лишний жир на велотренажерах, бего-

вых дорожках и с помощью банальных скакалок. Немного занимаемся гантелями, гирями и штангой. Даже девочки! По очереди садимся друг другу на ноги и качаем пресс. Почти у всех в классе, кроме самых толстых и неуклюжих, на животах появились «кубики». У меня, скажу не без гордости, одни из лучших.

Раз в четверть проводится тщательная медкомиссия, которая выявляет недочеты в нашей внешности и дает рекомендации по их исправлению. Наш школьный физрук, по фамилии Доходин и кличке Доход, внимательно к ним прислушивается, когда говорится о телах, и ответственно им следует. Несмотря на смешную кличку, он классный специалист и один из самых высокооплачиваемых учителей в школе. С ним не растолстеешь! На медкомиссии, ближайшей к рубежам «шестнадцать – семь, пятнадцать – восемь», нас заставляют выбривать подмышки, лобки, промежности и ноги и фотографируют совершенно голыми, фотографии эти также идут в базу данных Минздрава, в дополнение к уже имеющимся на всех нас документам. Ощущение мерзкое, будто ты какой-то товар на прилавке, хотя, наверное, так оно и есть. Еще медкомиссии строго следят за целостью и сохранностью наших тел. Однажды одному мальчику вывихнули мизинец мячом во время игры в футбол. Медкомиссия обнаружила это, когда мизинец уже сросся в немного искривленном виде. Тогда они отправили мальчика на операцию, где под местным наркозом сломали палец, привели

его в нормальное, первоначальное положение и наложили гипс. После чего вызвали в школу родителей ребенка, строго их отругали за то, что те «недоглядели» за сыном, и им пришлось оплатить стоимость операции и еще какой-то там штраф за ненадлежащее, по мнению медкомиссии, исполнение родительских обязанностей. Чтобы избежать подобных случаев, на физре играем только в бадминтон – и только в защитных очках и вполсилы.

У нас школьные занятия длятся с восьми утра до восьми вечера. Половину дня занимает учеба, а другую половину мы под неусыпным присмотром учителей делаем домашние задания, так что они не такие уж и домашние, потом урок, а иногда и два воспитания и этичного поведения. Нас учат, как не надо себя вести, а как надо: быть вежливыми, никого не обижать, не драться, не ругаться, не мусорить, ничего не рисовать и не писать на стенах и заборах – и прочей ерунде. Потом малышей забирают родители, а старшие идут по своим делам. На них отводится два часа, и в десять вечера наступает комендантский час для лиц моложе восемнадцати лет. За этим власти зорко следят. Нарушителей задерживают и строго наказывают силы защиты правопорядка, сокращенно СЗП, они же «сизы». Наша полиция, армия, ВМС, ВВС и космические войска одновременно. Их бы, наверное, называли «сизыми», вот только форма у них серого цвета. У них воспитательная работа другого характера. Они надевают на голову задержанному противогаз с герметично

закрытым клапаном поступления воздуха в фильтр и ждут, пока человек не начнет задыхаться, а потом дают ему подышать. Эта весьма оригинальная процедура и, наверное, не лишенная драматизма, в отличие от банальной порки, оказывает весьма серьезное воздействие на задержанного, вызывая у последнего невероятную тягу к соблюдению закона. Вот такими экстравагантными методами у нас в городе, да и, наверное, по всей стране, поддерживается порядок среди молодежи. Обнаруживаются нарушители с помощью открытых и скрытых телекамер, которые откуда угодно могут получить изображение высокой четкости. В них встроены микрофоны направленного действия, подслушивающие разговоры даже на улицах. С наступлением темного времени суток телекамеры автоматически, по сигналам установленных в них датчиков, переходят в режим ночного видения. От них не скроешься. Есть даже шутка, что у «сизов» больше телекамер и микрофонов, чем патронов в оружии.

Так что у нас любой здоровый ребенок, не принадлежащий к семейству толстосумов, живущих в закрытых анклавах, расположенных преимущественно вокруг столицы и в ней самой, с рождения обречен попасть под процедуру отбора людей, обладающих пригодными по медицинским и эстетическим требованиям телами. Анклавы богачей охраняют не только «сизы», но и маленькие частные армии, подчиненные самим богачам и состоящие из самых опытных бывших «сизов». Дети богачей и высших должностных лиц государ-

ства, то есть занимающие должности, позволяющие решать задачи в масштабах всей страны, как и дети бывших и действующих «сизов», под процедуру отбора, естественно, не попадают. Дети последних, как правило, занимают достойные места, сменяя своих родителей в рядах доблестных СЗП. Живут «сизы» в закрытых гарнизонах. Есть такой и в нашем городе.

Процедура отбора, или просто Отбор, заключается в том, что по достижении требуемого для перемещения сознания возраста юноша или девушка может получить извещение о своем зачислении в ряды скилпов. Скилп – название, придуманное неизвестным широкой общественности автором, в переводе, найденном в металлургическом словаре, с какого-то языка какой-то довоенной страны означает «лист или узкая полоса проката со скошенными боковым кромками для сваривания в трубу, штрипс». Что ж, подходит, пожалуй. Другой перевод этого слова – шлепок. В официальных документах такого человека обозначают ЛиДУТ – лицо, добровольно уступающее тело. Но это обозначение как-то не прижилось в повседневном языке. Скилп – явно звучит лучше. Скилпом становится юноша или девушка при прохождении Отбора, если его телом кто-то из богачей и (или) влиятельных людей заинтересуется и внесет за него солидный задаток. Скилп получает вместе с извещением предписание предоставить свое тело сотрудникам СЗП для его доставки в «Нектар небес», что «сизы» с радостью и делают, получая

за это надбавку к заработной плате. Иногда скилпы-счастливики возвращаются, потому что их тела забраковали (так бывает, если, например, заказчик выбирает сразу два тела, что стоит намного больше задатка, чем за одно обычное тело, но все же меньше задатка, чем за одно роскошное тело из «Олимпа совершенства», к тому же среди богачей это считается дурным тоном, поэтому практикуется редко). Или по каким-то другим причинам. Но это единицы. Отбор длится три месяца, и по достижении юношами возраста шестнадцати лет и десяти месяцев, а девушками возраста пятнадцати лет и одиннадцати месяцев Отбор прекращается, и молодежь, пережившая его без попадания в ряды скилпов, может дальше жить спокойно. На смену рубежу «шестнадцать – семь, пятнадцать – восемь» приходит рубеж «шестнадцать – десять, пятнадцать – одиннадцать», за которым следует обычная жизнь, но строгости школы и комендантский час за ее пределами продолжают до восемнадцати лет, чтобы молодежь от радости не натворила никаких бед, а такие неприятные ей организации, как не имеющий к ней прямого отношения «Олимп» и имеющий к ней самое прямое отношение «Нектар», становятся лишь неприятным воспоминанием, чем-то далеким, с чем столкнутся их здоровые дети через много лет, – у тех из них, естественно, у кого они будут. Но до этого всего еще дожить надо.

Совсем другая ситуация у тех, кто все же попал в ряды скилпов. Те, чьими телами заинтересовались, почти никогда

больше не возвращаются домой. Кроме тех единиц, забракованных уже в самом «Нектаре». В их родных городах и поселках никто после этого их не видит, а их внешностью наслаждаются жители столицы и анклавов богачей. Столицу защищают элитные бронепехотные дивизии «сизов», а не небольшие по сравнению с ними личные войска. Семьи этих скилпов получают приличную материальную компенсацию – хватит на два-три года обычной семье, но это, конечно же, не может ни в коей мере сравниться с потерей ребенка. Среди скилпов из «Олимпа» забракованных нет. Если вдруг заказчик по какой-то причине не принимает тело, его в тот же день или самое позднее на следующий продадут со скидкой какому-нибудь другому клиенту «Нектара». В желающих купить молодое шикарное тело подешевле недостатка, разумеется, нет. Все деньги, полученные от продажи тел скилпов из «Олимпа», поступают, естественно, также государству, поскольку и «Олимп» и «Нектар» являются государственными организациями. Частным фирмам такую работу не доверили. Такова официальная информация по этой самой деятельности. Вот, собственно, и все, что имеет отношение к ОЗС. Кроме одного.

Сегодня в пять часов сорок пять минут утра пятнадцать лет и восемь месяцев исполнилось мне.

Покончив с утренними процедурами, слышу скрип половиц в комнате деда, выхожу из нашего совмещенного санузла, или попросту ванной, и вижу в коридоре самого деда – высокого крепкого мужчину шестидесяти семи лет, мускулистого и в прекрасной для своего возраста физической форме. Широкое вытянутое лицо, заканчивающееся лысиной на макушке в обрамлении коротко стриженных седых волос, темно-карие глаза, всегда смотрящие острым, цепким и пронзительным взглядом одновременно, сейчас просто заspanные. О наступающей, не побоюсь этого слова, рубежной для меня дате, обведенной моей рукой черным кружочком на нашем настенном календаре на кухне, дед, разумеется, прекрасно знал – и за прошедшую ночь, как мне кажется, тоже мало спал. Дед и я одеты одинаково: в старых футболках и спортивных штанах, а на босых ногах потертые тапки. Мы здороваемся, и я пропускаю деда в ванную, где уже включен мною свет. Дед заходит и закрывает за собой дверь, а я иду на кухню по прямому коридору с выцветшими желтыми обоями и скрипучими досками под потертым темно-коричневым линолеумом. Полы в нашей стране скрипят даже у успешных конструкторов.

Захожу на кухню, которая является небольшой, но очень уютной комнаткой в углу дома, так что оба окна, прикрытые желтыми маленькими, опять же выцветшими занавесками, выходят на разные стороны света. Справа от входа – белый здоровый холодильник, старенький, но надежный, за ним

вдоль правой стены столешница с ящиками снизу, посередине которой электроплита с вытяжкой сверху, над столешницей также ящики, прикрученные к стене, напротив входа – окно, сквозь занавески которого угадывается наступление утра. Светает. Справа от окна в дальнем углу стены стоит шкаф, забитый всякими вареньями да соленьями, оставшимися от бабушки. Мы с дедом всего этого не едим, а выбросить жалко. Такой вот чемодан без ручки. На этом шкафу стоит небольшой старый телевизор.

Напротив шкафа в левом дальнем углу комнаты огромный деревянный сервант, почерневший от времени, слева от входа раковина и краны с холодной и горячей водой, а за ней – вешалка с полотенцами, отгораживающими раковину от сушилки для белья, стоящей в левом ближнем углу. Между старым черным сервантом и сушилкой стоит кухонный стол с четырьмя табуретками, по две с каждой стороны. Перед столом еще одно кухонное окно с точно такими же занавесками, что и на том, что напротив входа на кухню. Вся кухонная мебель бледно-желтого цвета. Все шкафчики, кроме того, что с соленьями-вареньями, и сервант забиты всякой кухонной утварью. Стены кухни отделаны желтыми кафельными плитками, а пол – темно-коричневыми. Оттенки такие же, как и у обоев в коридоре, но плитка не выцветает. С белого потолка с абажуром приятного на вид оттенка оранжевого цвета свисает люстра с негорящей лампочкой, которую я включаю, наполняя кухню светом.

Заливаю холодной водой из-под крана электрический чайник, втыкаю его штепсель в розетку и включаю кнопку нагревания. Достая из холодильника продукты, ставлю сковородку на электроплиту, включаю ее и начинаю готовить завтрак – нашу любимую яичницу с кусочками курятины, луком и сыром.

Электричество в нашей стране совершенно бесплатное. Вообще. Наш научный мир умеет не только делать гадости молодому поколению, но и создавать весьма полезные вещи. Они смогли повторить исследования какого-то ученого, действовавшего давным-давно, еще задолго до Последней мировой в какой-то другой стране, который умудрялся получать электричество прямо из окружающей среды. Но наши ученые мужи пошли дальше. Они, как просто, но доступно объяснил мне дед, могут передавать электроэнергию на огромные расстояния беспроводным способом, о чем тот великий, но, увы, давно умерший гений мог только мечтать, – но это в государственных масштабах, от огромных станций добычи электроэнергии по всей стране до Рубежа Отражения Вторжения, который сокращенно называется РОВ и является нашей государственной границей. Одна из таких станций питает и наш город. А в самом городе вообще и в нашей квартире в частности все электричество передается по проводам.

Заканчиваю приготовление завтрака и накрываю деду и себе на стол: ставлю две тарелки, две металлические кружки – деда, с взмывающей вверх старинной ракетой, и свою, со

смешным енотом в цветочках, выкладываю ножи и вилки. Нарезаю белый хлеб иставляю рядом с дымящимся чаем и яичницей.

Дед, глава нашей семьи, приходит, переставляет красный квадратный «бегунок» на настенном календаре, висящем над сушкой, на сегодняшнее число, уже обведенное мною в черный кружок, и мы садимся завтракать. Он зорко следит за соответствием даты на календаре наступившим суткам. Вообще-то у нас с дедом перед завтраком есть своеобразная зарядка. Дед поклонник восточных боевых искусств, как он их сам называет. Когда, где именно и кем они были изобретены, я понятия не имею, кроме того, что на востоке. Тот человек, который научил деда, по словам последнего, уже умер, а деду я верю. У нас в городе рукопашный бой не практикуется, чтобы мы не повредили тела, так что дед и я занимаемся этим тайком. Дед хороший тренер, который называется сенсей. Но это единственное слово, которое по-настоящему восточное. Все остальные слова самые обыкновенные. В этих искусствах большое количество бросков, подножек, подсечек, ударов руками, ногами и даже головой, болевых и удушающих приемов, и я много чему уже научилась. Дед говорит, что я хорошая ученица, ничуть не хуже отца, но здесь, как мне кажется, он просто мне льстит. Сама себе я кажусь очень неповоротливой и неуклюжей. После таких зарядок, проводимых нами в одной из комнат нашей «трешки», после гибели отца окончательно опустевшей и превращенной нами

в тренировочный зал, на которых не даем себе потеть, как после обычных тренировок, но хорошо разминаем мышцы, мы быстро съедаем последующий за этим завтрак, и я даже иногда готовлю вторую порцию. За завтраком разговариваем о чем-нибудь и смотрим телик.

Но сегодня мы обходимся без этого. Едим молча и нехотя, просто ковыряя еду. Беру со стола пульт от телевизора и, повертев его в руках, возвращаю на место. Смотреть передачи нет ни малейшего желания. Да и что там смотреть? Очередную встречу премьер-министра, чьими портретами увешаны все начальственные кабинеты нашей страны, с каким-нибудь министром и отчет последнего об очередных грандиозных успехах вверенного ему министерства? Надоело. Неинтересно. Все одно и то же из года в год. Я уже достаточно взрослая, чтобы это понимать. Премьера нашего зовут Эдуард Антонович Рикашэрин, мужчина с жестким волевым лицом и внушительной седой шевелюрой. Глава нашей семьи считает его очень хитрым, но не очень дальновидным политиком, который в угоду своим личным интересам в настоящее время может заложить основы полнейшей катастрофы государства, находящегося под его управлением, в будущем. А еще циничным и предельно жестоким человеком, но подробности своих рассуждений о нем дед мне не рассказывает. Наш премьер вдовец, у него есть сын, которого он никому не показывает, даже имени его никто не знает, и которого уже ненавидит, наверное, вся наша необъятная страна. Толь-

ко за то, что он его сын. Я, по крайней мере, точно. Поэтому пульт от телевизора сегодня за завтраком возвращается лежать на столе без работы.

Дед как будто и не заметил этого моего действия. Смотрит пустым взглядом прямо перед собой. Наконец-то с завтраком, длившимся вдвое больше обычного, покончено. Встаю первой и мою свою посуду. У нас в семье каждый моет за собой сам. Иду к себе в комнату, включаю свет и переодеваюсь в одежду для школы. У нас нет никакой школьной формы, и я натягиваю поверх белья и носков выдавшие виды футболку, свитер и джинсы. Надеваю электронные часы, которые меня радуют в обычные дни, но не сегодня. Подхватываю приготовленный со вчерашнего вечера рюкзак с учебниками, тетрадками, ручками, линейками, ластиками, точилкой для карандашей и транспортиром и выхожу из комнаты, по дороге выключая в ней свет.

Дед уже стоит у порога, но не торопится надевать ни один из своих строгих костюмов и галстуков, которые его заставляют носить на работе. Он просто молча смотрит на меня.

– Не переживай, – говорит он мне немного хриплым голосом. – Все обойдется, вот увидишь.

– Конечно, обойдется, – бодро отвечаю я. – Все будет нормально, когда эти три месяца пройдут.

«Дожили, подбадриваем друг друга», – думаю я.

Надеваю поношенную, но такую удобную куртку, из которой уже, увы, начинаю вырастать, стоптанные кроссовки,

шарф, шапку и перчатки, связанные еще бабушкой единым комплектом. Скорее по привычке, чем из действительного желания проверить свой внешний вид смотрюсь в большое зеркало в деревянной раме с маленькой столешницей снизу и беру ключи от дома из ящичка под ней. Ничего не забыла? Вроде бы нет. Таким вот вопросом и после недолгих раздумий таким вот ответом завершаю я последние приготовления перед походом в школу. Целую деда в как всегда идеально выбритую щеку, а он так же целует и меня. Дед только со виду строгий, но на самом деле, знаю я, он добрый и очень за меня переживает.

– Пока, деда, – говорю я, открываю дверь и выхожу на лестничную площадку.

– Пока, Кристинка, я закрою за тобой, – отвечает дед и машет мне рукой. Дверь закрывается, и я слышу сухой металлический щелчок замка.

Наша квартира на втором этаже обычного кирпичного двухэтажного дома. Передо мной серая лестница вниз с ржавыми перилами, белый потолок и бело-зеленые стены подъезда, освещенные тусклыми лампочками в прозрачных стеклянных плафонах под потолками. Стены эти за многие десятилетия своего существования собрали на себе огромное количество похабнейших надписей и рисунков, по которым вполне можно изучать анатомию человеческого тела. Но для меня за годы жизни здесь это давно стало настолько привычным, что я уже перестала обращать на эти следы челове-

ской деятельности хоть сколько-нибудь внимания. Спускаюсь на первый этаж, открываю скрипучую коричневую железную, с возвратной пружиной дверь подъезда и выхожу на улицу.

Почти рассвело, но фонари еще горят. Последний день сентября, и пожелтевшая листва уже покрывает грязно-серый асфальт, вчера вечером шел дождь, и лужи еще не просохли. В их поверхностях отражается желтый свет фонарей. У подъезда сидит здоровенный черный котяра по имени Уголек или просто Уга. Настоящий бойцовый кот. У меня с ним нормальные отношения. Можно даже сказать, доверительные. Лет семь назад, когда я была еще совсем маленькой девочкой, а Уга молодым, полным жизненных сил котом, я покормила его украденными из дома кусочками селедки, погладила и упрашивала взять его к нам жить и позволить ему спать со мной в одной постели, в чем мне, естественно, категорически отказали и отругали за это, строго-настрого запретив подходить к бродячим животным. Больше я так никогда не делала. Но Уга не забыл мои кусочки селедки, и стоит мне только предупредительно фыркнуть пару раз, он останавливается и пропускает меня, не переходя мне дорогу. Это приятно, хотя я человек не суеверный. Вот и сейчас я фыркаю, не боясь его испугать, потому что испугать его не так-то просто, а он останавливается, садится и с присущим ему достоинством ждет, пока я прохожу мимо. Иду в школу проторенной годами дорогой, на которой встречаю нашего

дворника, дядю Вову, идущего мне навстречу, – здорового мужчину лет пятидесяти, в соответствующей одежде и обуви, с трехдневной щетиной на лице. Проходя мимо него, чувствую сильнейший запах перегара.

– Здрасьте! – здороваюсь я и киваю ему головой.

– Забор покрасьте! – отвечает дядя Вова низким хриплым голосом. – И те не хворать!

Иду дальше и обхожу гаражи, один из которых, с синими воротами, наш, и там стоит наша старенькая, местами ржавая, но все еще ездящая легковушка «Виктория» темно-зеленого цвета, которую покупал еще дед. Вообще-то вся недвижимость в нашем городе, квартиры и гаражи, распределяется мэрией, но можно и купить, если, конечно, есть деньги. Отец мечтал о собственном гараже и новой машине, но купить ни то ни другое так и не успел. Мы всей семьей копили на них, но после папиной гибели и скоропостижной смерти бабушки нам стало не до этого.

Вокруг меня черные стволы деревьев, выкрашенные белой краской примерно на метр от земли, вдоль тротуаров и пешеходных дорожек. Дед полагает, что на все остальные деревья краски не хватило только потому, что деньги на нее разворовали уже в мэрии. Думаю, что он прав.

Наш город возник через несколько лет после Последней мировой. Подробности нам никто не рассказывает. Даже дед в то время еще и на свет-то не появился. Сначала города не было, а был на его месте поселок Упорный. Потом, ко-

гда у Е-Кона возникла потребность в авиации, здесь построили большой аэродром К-15, который давно снесли, а жилой район, на месте которого он находился, до сих пор называется «пятнашкой». Затем, когда легендарный ученый Иван Аркадьевич Платонин открыл способ практического использования гравитации для летательных и космических аппаратов, здесь стали конструировать эти самые аппараты, строить экспериментальные образцы под названием гравилеты и испытывать их. Ввиду потребности страны в таких аппаратах поселок быстро расширялся, а когда ученый умер, поселок переименовали в город и назвали его именем. Поскольку гравидвигатели, как объяснили мне отец и дед, позволяют совершать полеты в космос, наш город быстро стал авиакосмическим.

На плане, стоящем перед мэрией, наш город выглядит как круг, застроенный стандартными двориками; в северной его части овалом расположилось градообразующее предприятие – тот самый комплекс «Гротель», основанный Павлом Федоровичем Гротелем, создателем одной из крупнейших национальных корпораций. Наша квартира в доме недалеко от его территории, так что дед на работу часто ходит пешком. Как ходил и отец, а по самой территории его уже отвозили спецтранспортом. Как и ба, когда работала в том же «Гротеле». А вот небоскреб его стоит почти в центре города, напротив трехэтажного здания мэрии белого цвета, что похоже на необычную белую черепаху перед еще более необычным

стеклянным жирафом.

Перед небоскребом стоит на стеле старый, давным-давно снятый с вооружения гравилет-истребитель, созданный концерном отца-основателя, в положении как будто взмывает в небо. Именно на таком и погибла его дочь, первая на тот момент женщина – летчик-испытатель. И город хранит мрачную легенду, согласно которой ее отец якобы то ли приказал отрезать голову мертвому телу дочери, то ли сам это сделал с совершенно непонятной целью и захоронил ее в летном шлеме, замуровав в бетон под навеки взмывающим в небо истребителем. И каждый год в день гибели призрак обезглавленной худенькой девушки в обгоревшем, изодранном, залитом кровью, похожем на лохмотья летном комбинезоне старого образца приходит, когда стемнеет, к стеле и, встав на колени, пытается пальцами рук со сломанными ногтями, в изорванных перчатках расковырять бетон и вытащить свою голову. Всю ночь. С рассветом призрак исчезает. Периодически возникают слухи о том, что призрак Тамары Гротель видели то здесь, то там, в разных частях города, в дни рождения девушки и даже в другие дни, не имеющие ни малейшего отношения к судьбе красавицы летчицы. На фотографиях из книги о летчиках-испытателях, подаренной отцу на юбилей, и на кадрах старой кинохроники, показанной по телевидению в фильме о летчиках-испытателях, она выглядит очень красивой девушкой. Наверное, была тогда мечтой любого парня из нашего города, да и не только из нашего. Но

проверить обстоятельства ее захоронения нельзя. Кладбища у нас нет. Поскольку электричества у нас как воздуха, мертвые тела и их фрагменты сжигаются в электропечах городского крематория, а пепел потом развеивают с его крыши с помощью огромных вентиляторов в сторону реки Бычкóвка, протекающей, извиваясь как змея, через весь наш город. Вокруг города еще есть несколько маленьких поселков со старыми двухэтажными деревянными домиками и смешными названиями вроде Пúховка или Шмáковка. Все вместе это называется Платонинский район и окружено Периметром.

Периметр – это не гигантская стена, не кольца колючей проволоки и не оголенные провода под высоким напряжением. Нет. Это огромные излучатели электромагнитного поля, которые представляют собой гигантские вогнутые диски десятиметрового диаметра, наподобие огромных тарелок. Они установлены на четырехопорных башенках, по две штуки, каждая из которых обращена в противоположную сторону от другой, и окрашены концентрическими окружностями белого и оранжевого цветов, чтобы можно их различить и зимой и летом, покрыты прозрачным для электромагнитных волн бронепластиком, так что пытаться их уничтожить или вывести из строя пулей, стрелой или камнем – пустая трата времени. При приближении к ним живого существа крупнее воробья, которое они определяют по встроенным в них датчикам, начинает выть сирена из динамиков на шестах рядом с ними, включаются проблесковые маячки крас-

ного цвета – мигалки, и эти установки излучают электромагнитное поле такое, что человеку становится сначала жарко, в качестве первого предупреждения, потом очень жарко, в качестве второго и последнего, потом нарушитель получает парализующий электрический разряд, как электрошокером, и остается лежать до прибытия электробронетранспортера «сизов» – такого же серого цвета, как и их форма.

«Сизы», узнавшие о происшествии со своих бесчисленных телекамер и направленных микрофонов, забирают тело или тела, и если это человек или люди, то его или их ждет суровое наказание – вплоть до тюремного срока. Пройти сквозь Периметр невозможно ни из города, ни в город. Пытались уже, и не раз, и ни к чему хорошему это не приводило. За Периметром так никто и не оказался. Оказались за решеткой. Больше желающих не нашлось. Питается электричеством Периметр от отдельной станции добычи электроэнергии, работающей автономно от станции добычи электроэнергии, питающей город. Такая вот «мера защиты» населения.

Вообще, вопрос защиты населения и нашего государства, где оно, собственно, и проживает, сам по себе вызывает много вопросов. Если мы на планете остались одни, так зачем же тогда истребители? Кого же они будут истреблять? А баллистические ракеты, о которых мне рассказывали отец и дед, в ракетных шахтах, на электромобилях и атомных подводных лодках? Нам говорят – на случай появления противника. А

может быть, он уже появился? Сие мне неизвестно. Я просто иду через двор, смотря себе под ноги, и мечтаю только об одном – этой же дорогой вернуться сегодня домой.

Дворы наши застроены двухэтажными домами из белого кирпича, со временем ставшего серым, с небольшими вставками красного кирпича как элемента орнамента. Дома имеют форму квадрата, если смотреть сверху, один внутри другого. Стандартный двор – три таких дома, между ними деревья, кусты, детские площадки, гаражи и места для мусора с мятыми железными контейнерами, которые каждое утро меняют мусоровозы. Окна домов при таком их расположении выходят друг на друга. Мне требуется пройти через пять таких дворов, прежде чем попасть в школу. На выходе из последнего я слышу знакомый голос.

Глава 3

– Кристин, привет! – жизнерадостно говорит моя одноклассница, соседка по парте и подружка Наташа Ковшова, красивая, стройная, веселая и энергичная блондинка ростом с меня, которой предстоит перейти через рубежную дату еще только месяца через три. – Что такая мрачная? – спрашивает она, делая при этом бровки домиком, отчего становится безумно обаятельной.

Я здороваюсь в ответ и отвечаю на ее вопрос.

– Да ладно?! – ужасается она. – А что же ты мне вчера

ничего не сказала?

– А что тут говорить? – вновь отвечаю я несколько невежливо – вопросом на вопрос – и тут же исправляюсь: – Это же не день рождения.

– Да, верно, не дняха уж точно, – соглашается Наташка и, как настоящая подруга, чувствуя, что мне совершенно не хочется говорить, замолкает, хотя обычно болтает без остановки: кто с кем встречается, кто с кем целуется и, конечно же, кто кому признается в любви, и, разумеется, в кого она сама в очередной раз безумно влюблена, и как ей, бедняжке, тяжело это переживать. Но сегодня мы идем молча. Две из положительных ее черт – тактичность и ненавязчивость. Так же в молчании мы переходим через сквер, заставленный лавочками с урнами по бокам и гранитными бюстами выдающихся конструкторов авиационной и космической техники прошлых лет, уже покинувших наш мир, и приближаемся к школе, в который мы учимся, – красно-бурому, с белыми элементами декора, двухэтажному зданию, обнесенному забором из чугунных металлических прутьев, выкрашенных в серебристый цвет и закрепленных на серых бетонных столбах. Нашу любимую дыру в заборе, как назло, закрыли приваренными ржавыми железными палками два дня назад, теперь приходится идти через главный вход.

– Привет, девки! – раздается позади знакомый голос. Нас догоняет Лена Микеева. Среднего роста, на полголовы ниже нас, кучерявая брюнетка. Она уже месяц как находится под

процедурой Отбора, но, скорее всего, ей стать скилпом не грозит. Как ни печально говорить, но внешность у нее не та, чтобы кого-то из потенциальных заказчиков заинтересовать. Да она и сама это прекрасно понимает.

– Привет! – хором здороваемся с ней мы.

– Как дела? – интересуется она.

– Как сажа бела, – отвечаю я и повторно за сегодняшнее утро объясняю причину своего настроения.

– Да ладно?! – И второй раз за утро слышу возглас удивления, но теперь уже из ее уст. – А почему ты ничего не говорила? – Еще один такой же вопрос. «Как будто ты кому-то рассказывала, когда у тебя было то же самое», – говорю я сама себе мысленно.

– А что тут говорить? – вновь отвечаю я несколько невежливо – вопросом на вопрос – и вновь тут же исправляюсь: – Это же не день рождения.

– А... Ну... Вообще-то, да... – И вновь согласие. – Не расстраивайся, все обойдется, – добавляет она слова, которыми я ее сама совсем недавно успокаивала.

И вновь тишина. После такого известия разговаривать никому не хочется, к тому же Ленка, как и Наташка, отличается тактичностью и ненавязчивостью. За это им обеим огромное человеческое спасибо.

Перед школой стоит серый с белой полосой, гербом Е-Кона на двери и выключенными красно-синими мигалками на крыше патрульный электромобиль «сизов». Тачка но-

вая, красивой каплевидной формы, марки ЭЗБГ – «Электромобильный завод бесстрашных гвардейцев». Расположен этот завод в столице, а каждую машину его производства мы называем «забег» – сокращенно от первых букв последних трех слов названия. Хорошие машины, не то что наша «старуха» в гараже. Один из «сизов» расхаживает в своей серой форме, с воротником полушубка из белого искусственного меха, на плечах лейтенантские погоны – один белый просвет и две маленькие белые звездочки, по одной с каждой стороны, – спасибо отцовским и дедовским рассказам о военно-служащих и военной форме. На таком же сером, как и вся остальная форма, пояском ремне опять же серая кобура с ПГ.

Благодаря все тем же рассказам отца и деда я неплохо разбираюсь не только в форме, но и в технике вообще и в вооружениях в частности.

ПГ – пистолет газотермический, калибр одиннадцать миллиметров, который, как подробно рассказал мне папа, заряжается обычными с виду патронами, но внутри металлопластиковой пули заключено какое-то секретное вещество, окруженное порохом и соединенное каналом с порохом с пороховым зарядом в гильзе, где этот самый пороховой заряд воспламеняется от взрыва капсюля в гильзе при выстреле, зажигая порох в канале пули и вокруг секретного вещества, разогревая его до температуры, при которой металлопластик просто испаряется, и навстречу цели летит сгусток раскален-

ного газа, разрушающий все на своем пути. Происходит это за тот ничтожно малый промежуток времени, пока пуля со всем ее содержимым движется по каналу ствола, при покидании которого исчезает, превращаясь в тот самый убийственный сгусток раскаленного газа. Вот оно – гениальное достижение нашей науки. Пистолет, называемый «пэгэшкой».

Лейтенант неспешно расхаживает, зевая и прикрывая ладонью рот. Но это, может быть, вовсе и не за мной, напоминаю я себе, продолжая свой путь к храму знаний. Людей в школе много.

Чтобы хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей, переключаю свое сознание на воспоминания об отце. Он научил меня разбираться в воинских званиях, шевронах, погонах, петлицах, нашивках, аксельбантах, и всех, каких только можно, знаках различия, и, конечно же, вместе с дедом, в технике, и, само собой разумеется, в гравилетах. А однажды он принес домой «пэгэшку», выданную ему на службе, заряженную холостыми патронами, чтобы он мог использовать ее для устрашения возможных грабителей и подачи сигнала окружающим людям о нападении на себя. Боевыми патронами ему вне службы пользоваться категорически запрещалось, а на службе их выдавали крайне редко. Но папа все равно вытащил все патроны и учил меня обращаться с пистолетом совершенно безопасным способом, а когда я все освоила и начала лихо прицеливаться по углам своей комнаты, он полушутя-полусерьезно сказал, что мне надо было родиться

мальчиком.

Ну не знаю, не знаю, мне, вообще-то, и девочкой совсем не плохо. Затем отец рассказал, что есть еще АГПУМ – автомат газотермический пехотный универсальный модернизированный, который называют «пума», калибра пять с половиной миллиметров, весьма футуристического дизайна и использующий патроны с таким же принципом поражения, как и патроны «пэгэшки», только специально разработанные для автомата. Универсальность позволяет стрелять как на воздухе, так и под водой. Когда я стала задавать вопросы: а какой был автомат до модернизации и может ли пистолет стрелять под водой, – папа, улыбнувшись, сказал, что для первого раза информации мне более чем достаточно. А второго раза уже не было. Через месяц отца не стало. Зато теперь я очень осведомленная в стрелковом оружии девушка. Вообще-то, в Е-Коне стрелковое оружие строжайше запрещено. За это лет на десять сажают в тюрьму, а то и на двадцать, это смотря какое оружие.

Но все эти мысли позволяют уйти от реальности лишь на короткое время. Реальность никто не отменял. Еще никогда я с таким ужасом не подходила к школе, как сейчас. Даже перед самыми страшными контрольными работами, которые мне кажутся теперь просто смешными. Любая контроша намного лучше того, что может сегодня произойти. Наверное, со временем этот животный ужас, буквально трясущий меня в эту минуту, начнет снижаться, но это только со временем.

А в настоящий момент меня просто колотит, и я начинаю понимать то, что чувствовала Лена в свой первый день Отбора.

Внезапный порыв ветра срывает желто-оранжевые листья с деревьев и проносит вокруг нас. Смотрю на небо и во все более расширяющиеся прорези в облаках вижу конденсационные следы. Понятно. Дети богатых родителей опять занимались ночью аэрорейсингом – воздушными гонками на спортивных гравилетах – спортгравах. Любимое развлечение мажоров. Это, конечно же, тоже строжайше запрещено законом, но разве им кто-то хоть слово скажет? Вспоминаю, что я их слышала сегодня ночью, но так была погружена в свои мрачные раздумья, что совершенно не обратила на них никакого внимания.

Мы входим в школьный двор через открытые ворота, проходим по нему, поднимаемся среди толпы таких же школьников, как и мы, по ступенькам крыльца, на котором стоят две женщины – лейтенанты «сизов» в женской серой форме с белыми воротниками, по одной с каждой стороны от двустворчатых дверей школы, – и проходим в обширный вестибюль.

Едва только зайдя, вижу стоящего прямо напротив входа Гуся – Гуськова Валентина Юрьевича, учителя биологии и нашего классного руководителя. Невысокого, худощавого, приятной внешности мужчину лет тридцати двух – тридцати трех, с красивой густой светлой шевелюрой вокруг интеллектуального лица. Сердце проваливается в пятки. «А может

быть, все-таки не меня?! А может быть, Ленку?!» – звучит в голове маленькая, мерзкая, подлая мыслишка, которую я, стыдясь, прогоняю прочь. Возможно, у Лены сейчас в голове точно такие же мысли в отношении меня, и, возможно, хотя, конечно, нельзя думать плохо о подруге, она их не гонит прочь.

– Здравствуйте, девочки, – спокойно и приветливо говорит нам наш классный.

– Здрасьте!

– Здрасьте!

– Здрасьте! – одна за другой отвечаем мы.

– Кристина, идем со мной к директору, – так же спокойно, но уже не приветливо говорит он.

Ну вот и все! И никаких объяснений уже не нужно! Все ясно и так.

– Зачем? – задаю я вопрос, чтобы услышать ответ, который и сама прекрасно знаю.

– Думаю, что ты и сама прекрасно знаешь зачем, – говорит мне, не теряя спокойствия и демонстрируя предельную честность, учитель.

– Крис, держись! – восклицает Наташка, которая, так же как и я, все уже поняла.

– Держись! – эхом повторяет за ней Ленка, тоже никогда не страдавшая от недостатка сообразительности, а в ее глазах пляшет с трудом скрываемый огонек счастья, излучающий одну только мысль: «Как же хорошо, что это тебя выбрали, а

не меня!» Мысль, приносящую ей неслыханное облегчение. Я не могу ее за это винить. Ни капельки. – Может, все еще обойдется и тебя забракуют! – добавляет она.

Буду надеяться!

– Всем нашим привет! – коротко и как можно спокойнее отвечаю я.

– Остальные – в раздевалку и на урок, – командует классный и ведет меня к массивной дубовой двери директорского кабинета, которую открывает без стука и пропускает меня вперед. Слышу, как он закрывает дверь за моей спиной.

Мое ватное тело плохо слушается меня, а сознание как в тумане.

За директорским столом в ярко освещенной комнате со светлыми потолком и обоями и темным полом прямо передо мной восседает директор нашей школы Тимур Тимофеевич Семиреков, он же Тим-Тим. Высокий и статный мужчина лет сорока шести – сорока семи, всегда в безукоризненно сидящем строгом костюме и галстуке. На стене за его спиной здоровенный портрет премьера. Слева от стола сидит, небрежно развалившись в кресле, офицер «сизов», мужчина лет тридцати, с не по возрасту большими залысынами на голове с коротко стриженными светлыми волосами, у него в руках форменная фуражка с кокардой и черный кожаный портфель с блестящей золотистой пряжкой. На плечах погоны с одним белым просветом и четыремя белыми маленькими звездочками, по две с каждой стороны. Младший ротмистр. Сред-

ний офицер. Серьезно. Самое высокое воинское звание из тех, что я видела сегодня. Наверное, командир этого отряда «сизов». Перед столом, спинкой ко мне, стоит стул, а на столе две бумаги. Все это приготовлено явно для меня.

– Здравствуй, Журавлева. Тебе оказана высокая честь быть отобранной в число возможных кандидатов для добровольной уступки тела ради будущего лучших из нас. Гордись! – монотонно и гнусаво директор произносит всю эту ахинею, в которой правдиво только то, что меня все же отобрали, что понимают все присутствующие, и в первую очередь он сам. – Проходи, садись, изучай документы и следуй за представителем конфедеративной власти.

Я не знаю, что надо делать в этом случае, но наслышана о всяком. Кто орет, кто ревет, кто упрасивает, чтобы отпустили, а один даже в драку полез, но ничего из этого не помогло. Всех скручивали и доставляли куда надо. У меня получается лишь совершенно идиотское:

– Уже?!

В ответ тишина.

На непослушных ногах обхожу стул, сажусь на него, беру со стола и изучаю бледно-зелено-серый бланк извещения и бледно-розово-серый бланк предписания, в которых читаю только что мне сказанное, с ужасом видя на каждой из предоставленных мне бумаг свое лицо, смотрящее с недавней казенной цветной фотографии с какой-то печатью, и свою фамилию, имя, отчество и дату рождения, и кладу их обратно

на стол. Премьер с огромного портрета на стене бесстрастно взирает на меня. Директор забирает себе эти документы, подписывает лист о моем ознакомлении с ними в его присутствии, акт в двух экземплярах о моей приемке-передаче представителю конфедеративной власти (нам рассказывал классный на уроке об этих документах), ставит там, где это требуется, школьную печать и передает бумаги офицеру, оставляя у себя лишь школьный экземпляр акта приемки-передачи, который потом покажут моим близким, то есть деду, когда его вызовут для этого в школу.

– Все, приемка-передача окончена, – все так же гнусаво возвещает Тим-Тим. Ловлю себя на мысли, что он ни разу еще с того момента, как я сегодня вошла в его кабинет, не посмотрел мне в глаза. – Оставь рюкзак здесь, на случай если тебя забракуют, – завтра вернешься и заберешь, а если нет, то учебники передадут в библиотеку школы, а рюкзак со всем твоим барахлом отдадут родственникам.

– Я поняла, ясно, – сдавленным хрипом отвечаю я, снимаю, не вставая со стула, рюкзак и ставлю его на пол перед своими ногами. – Но у меня только дед.

– А это не важно, – гнусит Тим-Тим и машет в мою сторону рукой. – Так, все? – спрашивает он сам у себя и сам себе же отвечает: – Да, вроде все.

– Да, на сегодня все, – противным скрипучим голосом говорит офицер, первый раз вступивший в разговор в моем присутствии, подтверждая тем самым слова директора, и

убирает документы к себе в портфель. Звучит щелчок механической пряжки, и офицер, надев форменную шапку, с директором обмениваются рукопожатиями.

– Журавлева, без вещей на выход, – командует «сиз», и я встаю и направляюсь к двери в верхней одежде и шапке, которые, естественно, так и не успела снять. Гусь, все это время молча стоявший за моей спиной, посмотрев мне в глаза, лишь коротко кивает мне. Разговаривать со скилпом после его передачи представителю власти преподавательскому составу строжайше запрещено. Можно лишиться работы.

В голове как бомбы взрываются мысли: «Дед, прощай! Все прощайте! Я – скилп!»

Глава 4

Иду как в тумане. За моей спиной офицер своим скрипучим голосом прощается с директором и моим классным, а потом обращается ко мне.

– Журавлева, выходим из здания, – говорит он.

Выходим так выходим, а что делать-то? Бежать? Куда? Прохожу к выходу с младшим ротмистром за спиной. Оказавшись на крыльце, я вновь вдыхаю прохладный воздух и чувствую, как на редкость сильные женские руки – тех самых милых дам, которых я заметила еще при входе, – берут меня под локти. Завидев нас на крыльце, лейтенант тут же залезает в машину и включает мигалки на крыше. Наша процессия

идет через двор, перед нами расступаются люди, и я ловлю на себе сочувствующие взгляды.

– Всем молчать! К отобранной не обращаться! – орет за моей спиной младший ротмистр.

Оглядываюсь назад и успеваю заметить машущую мне из окна второго этажа Наташку. Хочется махнуть ей в ответ, возможно в последний раз в жизни моего сознания и пока еще моего тела, но воинственные тетки крепко держат меня за локти своими ручищами, больше похожими на клешни, а идущий сзади младший ротмистр грубо пихает рукой в спину.

– Не оглядываться! – орет он уже на меня.

Прощай, Наташа! Девки, парни, прощайте все! Простите, пожалуйста, если кому-то что-то сделала плохое, я не со зла!

Подходим к машине с уже включенным и прогретым электродвигателем, на крыше красным и синим цветами мигает «люстра», двери по команде водителя услужливо открываются навстречу нам. Тетки затаскивают меня вместе с собой на заднее сиденье и усаживаются по бокам от меня, а младший ротмистр устраивается поудобнее с неразлучным портфелем на переднем пассажирском сиденье справа от водительского места по ходу движения машины. В салоне тепло – исправно работает печка. За рулем лейтенант, которого я увидела первым из всей этой компании, еще при подходе к школе. Он нажимает на торпедо какие-то кнопки, и двери бесшумно закрываются, рулевое колесо вместе с рулевой

колонкой уходят куда-то вперед и вниз, и включается автопилот. Передние сиденья отделяются от нашего перегородкой из толстого бронестекла, выезжающей откуда-то снизу, полностью отгораживая нас от передней части салона электромобиля. Стекло темнеет, как и стекла задних дверей, становясь непрозрачным. Значит, не удастся мне полюбоваться видами родного города... Может, оно и к лучшему. Меньше болезненных переживаний.

«Уи-и-иу! Уи-и-иу!» – взывает сирена, вырывая мой разум на мгновение из горестных мыслей, и машина плавно, но быстро набирает скорость и везет нас в маленький городской аэропорт, находящийся в части Платонина, расположенной с противоположной научно-производственному комплексу «Гротель» стороны города, чтобы никто из приезжих ни в каком случае не увидел никакую новейшую и, естественно, суперсекретную военную технику. Машина с сиреной и включенными мигалками проезжает на красный свет на светофорах. Чтобы это знать, прозрачные окна вовсе не нужны. О том, как в аэропорт возят скилпов, знает весь город, видели много раз, я в том числе своими собственными глазами.

Проходит минут пять-семь, и машина останавливается, гложет наконец-то сирена, к моей большой радости, и меня выводят прямо на летное поле аэропорта Платонин.

Я выхожу и оглядываюсь в надежде все-таки увидеть хоть кусочек родного города, но вижу лишь застекленное и вполне себе современное здание аэропорта и получаю неприят-

ный тычок в спину.

– Стой и не оглядывайся, – говорит мне младший ротмистер за спиной, и я стою перед таким же младшим ротмистером, в точно такой же форме. Офицеры приветствуют друг друга, отдавая честь, и после козыряния и рукопожатия привезший меня младший ротмистер передает ожидавшему бумаги – опять подписи и печати, наверное, очередной акт приемки-передачи, который мой новый конвоир убирает в точно такой же форменный портфель с золотистой пряжкой. Ну вот, теперь, по видимости, точно все.

Мои конвоиры заканчивают на этом обмен бумагами, как я прекрасно понимаю, на меня, и опять козыряние, рукопожатие – и дождавшийся скилпа младший ротмистер берет меня под левый локоть, и я вместе с ним делаю два шага к трапу-эскалатору, который совершенно бесшумно поднимает нас на площадку перед входом на борт гиперзвукового пассажирского гравилета под названием То-524, что означает первые две буквы от фамилии легендарного авиаконструктора Тополева и номер модели пятьсот двадцать четыре. Летательный аппарат этот внешне представляет собой гигантских размеров куриное яйцо, длиной метров сто и шириной метров сорок в самом толстом месте, летающее острием вперед и развивающее скорость до пяти махов (что означает в пять раз быстрее звука). Нос у него, в отличие от настоящего куриного яйца, острый, а с каждого из четырех боков параллельно направлению движения есть небольшие, но четко

выраженные выступы наподобие крылышек, которые необходимы для работы гравидвигателей. Сейчас он как бы лежит на боку, а точнее, стоит на мощном трехточечном шасси, огромные колеса которого диаметром в половину человеческого роста. С двух сторон по три ряда иллюминаторов – из-за трех пассажирских палуб, вмещающих посадочные места для тысячи трехсот человек. Все эти технические подробности, рассказанные мне дедом и отцом, позволяют отвлечься от мрачных мыслей о месте, куда мы летим, думать о котором нет никаких душевных сил.

Гравилет выкрашен в бело-серебристо-бордовую расцветку «Нектара», а на белой части борта его эмблема – две скрещенные руки, обращенные ладонями друг к другу, а между ними сияющая звезда, испускающая характерные лучики, что символизирует процедуру передачи сознания от одного человека к другому. Эмблема черного цвета.

Поднимаю голову вверх и вижу в голубом небе с бело-серыми облаками, на которых золотистыми ободками отражаются утренние солнечные лучи, метрах в трехстах над нами четыре трезубца – звено новейших истребителей. При испытании палубной модификации такого как раз и погиб отец. Они будут сопровождать нас в полете, поскольку мы, скилпы, – особо ценный груз. Оказавшись на верхней площадке трапа эскалатора, прохожу во внутреннее помещение, напоминающее тамбур электропоезда, но откуда он здесь? Быстро соображаю, что это не обычный серийный пассажирский

гравилет, а специально переделанный для «Нектара» экземпляр, изготовленный, вероятно, по какому-нибудь спецзаказу, и, наверное, он у них не один такой.

Меня встречает миловидная женщина лет тридцати пяти в бело-серебристо-бордовой форме «Нектара» – такой же расцветки, как и корпус гравилета.

– Здравствуй, проходи, душенька, – приятным голосом говорит она.

Вот уж никак не ожидала обращения «душенька» к самой себе при таких, как сейчас, обстоятельствах. Вхожу в тамбур и прохожу в салон. Я не ошиблась. Это действительно не серийный гравилет, а эксклюзив для «Нектара». Передо мной помещение раза в три меньше салона средней пассажирской палубы, известной мне лишь по фотографиям, обычного гравилета, с закрытыми пластиковыми светонепроницаемыми шторками иллюминаторами и пассажирскими креслами, расставленными вдоль искривленных бортов спинками к ним, так что сидящие в них люди смотрят на сидящих напротив в точно таких же креслах в полутора метрах от них. Таким образом, передо мной четыре, по два с каждого борта, изогнутых ряда кресел, на которых уже сидят такие же несчастные парни и девчонки, как я. Между ними, в центре салона, несколько кресел, на которых сидит группа «сизов» и сотрудников «Нектара». Помещение отделано светло-серыми материалами с изображенными на них красно-зелено-синими цветами с длинными тонкими лепестка-

ми и темно-коричневыми стеблями на белых пятнах, с матово-белого потолка идет свет от ламп рабочего освещения в прямоугольных плафонах такого же белого цвета.

Все взгляды людей, сидящих в этом салоне, обращаются на меня. Миловидная женщина, по всей видимости выполняющая функции стюардессы, или, как они сами себя называют, бортпроводницы, проводит меня к одному из кресел, стоящему спинкой к борту с закрытыми иллюминаторами, и усаживает в него, пристегивая ремнем безопасности. Слева от меня сидит симпатичная полная девушка, рядом, слева от нее, еще две девушки, а напротив них два парня. Один из них, ближе ко мне, здоровенный, с явно накачанными мускулами, и я сразу же даю ему прозвище Качок. Парни с темными волосами, темными глазами и приятными чертами лица. Внешность девушек мне рассмотреть не удастся по причине неудобного ракурса обзора. Женщина закрывает сдвижную дверь в салон, и вместе с «сизом», встречавшим меня у трапа, они проходят к креслам и занимают места среди своих коллег.

Люк наружу, по всей видимости, закрыт бесшумно, и трап убран. Так же бесшумно гравилет убирает шасси и поднимается вертикально вверх на тысячу метров. Вместе с ним поднимаются выше, естественно, и истребители. Это стандартная схема взлета, о которой мне рассказывали отец и дед.

Вообще-то, в наш район и из него ведут электромобильное шоссе и железная дорога, которые перекрыты блокпо-

стами «сизов». Но нас предпочитают перевозить по воздуху. Этот гравилет забрал уже почти всех скилпов страны на сегодняшний день, начав с Дальневосточного района, но поскольку Платонинский район находится в западной части Е-Кона, то нас обслуживают одними из последних. После нас только Синевоградский и Железноруденский районы. К которым мы, как я понимаю, сейчас и направимся с гиперзвуковой скоростью.

Несколько минут летим молча.

– Привет, меня Маша зовут, – слышу шепот слева от меня и поворачиваюсь на звук.

На меня смотрит девушка с пышными формами, симпатичным округлым лицом, темно-русыми волосами, локоны которых выбиваются из-под красной вязаной шапочки, широким, слегка вздернутым носиком с милыми веснушками вокруг него, большими светло-серыми глазами и приятным голосом. «Пышка» – вот первое, что приходит мне на ум при взгляде на нее. «Подходит, – думаю я. – Все, буду звать тебя Пышка или просто Пыш». Последнее, пожалуй, соответствует ей лучше. Прозвище, наверное, было бы забавным, если бы не обстоятельства нашего знакомства.

– Привет, я Кристина, – отвечаю я. – Очень приятно.

– Мне тоже, – говорит моя новая знакомая. – Это был, случайно, не Платонинский район?

– Платонинский, – вновь отвечаю я и утвердительно киваю головой. – Здесь, наверное, не объявляют места призем-

ления?

– Нет, не объявляют. Я сама догадалась, – говорит Пыш. – А я из Глушининского. В ваш район обычно сразу после нашего прилетают.

– Да, точно! – отмечаю я. – Там еще различные материалы и детали для гравилетов делают.

Наш разговор прекращается. Так проходит несколько минут. Слышу, как мальчишки рядом с нами тоже о чем-то говорят приглушенными голосами. Говорить в полный голос никто из нас не хочет по причине нахождения около нас стерегущего конвоя. Из разговора парней похоже, что они уже были знакомы до этого полета. Возможно, даже были приятелями, поскольку Качок называет собеседника Толяном, а тот его Валерой.

Ясно. Валерий и Анатолий.

Девушки рядом с Пыш о чем-то перешептываются так тихо, что я едва их слышу. Никто, кроме нее, не желает со мной знакомиться. Ну что ж, не хотите – не надо. Я сама навязываться не стану.

– А следующий, по-моему, Синевоградский? – спрашивает притихшая было на несколько минут Пыш. Наверное, вспоминала название района.

– Да, верно, Синевоградский, – в третий раз отвечаю я и во второй утвердительно киваю головой. – Он самый.

– Мы там скоро будем? – интересуется моя новая знакомая.

– Минут через пятнадцать-двадцать, – прикидываю я в уме время полета до следующей остановки на такой скорости.

– Так быстро? – Брови девушки ползут вверх от удивления и встают домиком, что напоминает мне обаяние Наташи при такой же мимике лица, но сейчас мне не до того, чтобы оценивать чье-то обаяние.

– Ну конечно, мы же на гиперзвуке, – говорю я, как само собой разумеющееся.

– Это когда очень быстро? – уточняет Пыш.

Все ясно. В вопросах авиации и космонавтики она нулевая. Ладно, займусь ее образованием, все равно делать нечего, заодно и отвлекусь от мрачных мыслей, которые не просто лезут в голову, а уже поселились в ней. Я начинаю коротко, но как могу доступнее рассказывать про гиперзвук, про плазму, которой окружает себя летательный аппарат, чтобы его достичь, и про гравидвигатели, которые его, собственно говоря, и заставляют летать.

Вдруг замечаю тишину. Пыш, похоже, переваривает полученную от меня информацию, глядя при этом в одну точку, не говоря ни слова, а парни перестали разговаривать и молча удивленно смотрят на меня. Замолкаю и смотрю на пустое кресло впереди. Я пока не возобновляю рассказ о гравилете, а милостивая женщина и офицер с неразлучным портфелем направляются к выходу. Понятно. Приземлились на очередной точке нашего маршрута. Проходит минут десять, и

они возвращаются с очередными жертвами – двумя крепкими парнями приятной наружности, волос не разглядела из-за шапок, которые они, в отличие от других парней, еще не успели снять. Женщина усаживает их на сиденья скилпов в противоположной части салона. С чего бы это? Может быть, потому что наши заказчики принадлежат к каким-то различным категориям? Не знаю. Качок и его собеседник уже не смотрят на меня и продолжают прерванный, возможно из-за меня, разговор. Проходит еще минут двадцать, мы приземляемся на заключительную перед «Нектаром» остановку, и к нам заводят последнюю на сегодняшний день жертву – высокую, стройную девушку с вытянутым строгим, но при этом красивым лицом, темными глазами и темно-каштановыми волосами, нервно сжимающую кожаную шапку в руках. Женщина усаживает ее рядом со мной.

Все, понимаю я. Теперь летим в «Нектар». Такие полеты, собирающие скилпов по всей стране, происходят примерно раз в месяц. Чтобы через день из-за каждого пассажирский гравилет не гонять. Скилпам, разумеется, не говорят, что их уже отобрали. Вот и меня небось отобрали уже месяц назад, если не больше, но узнать это мне не суждено.

– Привет, меня Маша зовут, – здоровается снова шепотом с вновь прибывшей девушкой Пыш. Наверное, у нее от страха такая общительность появилась, а с парнями знакомиться стесняется.

– Привет, я Марина, – отвечает вновь прибывшая девуш-

ка. – Очень приятно.

– Мне тоже, – говорит Пыш.

– Привет, я Кристина, – отвечаю я. – Очень приятно.

– И мне, – произносит в ответ Марина.

– Скоро уже «Нектар», – сообщает Пыш.

– Да, – соглашаюсь я и опять утвердительно киваю головой.

– А это кто? – спрашивает Марина у Пыш, кивая головой в сторону девушек слева от нее, которых я, увы, и рассмотреть не успела.

– Это Ирина и Зульфия, – отвечает ей Пыш. – Но они очень застенчивые.

– А-а-а, – нестройным хором произносим мы, вполне довольствуясь таким объяснением.

На этом наш девичий разговор угасает сам собой. Осматриваю скилпов и вижу, что все одеты примерно одинаково: похожие шапки, шарфы, куртки, джинсы и кроссовки, с учетом женской и мужской молодежной моды, естественно. В другой части салона замечаю девичий профиль с прекрасными золотистыми прямыми волосами под черной модной кепкой.

«Скилп – их обладательница, наверное, уже не рада им, – думаю я. – Что, в общем-то, неудивительно».

Мы втроем продолжаем сидеть молча. Девушки Ирина и Зульфия вроде бы тоже замолчали. Чтобы эти тягостные минуты побыстрее пролетели, заканчиваю тихим голосом свой

прерванный рассказ об авиакосмической технике, который вроде бы заинтересовал Пыш. Она, к моему удивлению, слушает его внимательно, не произнося ни звука. Еще большее удивление вызывает у меня Марина, тоже слушающая мой рассказ, повернув в мою сторону голову. Не думаю, что девочки вдруг заинтересовались этой темой. Скорее всего, им просто, как и мне, хочется хоть чем-то занять свои мысли в этом томительном ожидании. Но все имеет свой конец, мой рассказ тоже, и после его окончания мы трое погружаемся в молчаливое созерцание серых сидений напротив и своих коленок.

Парни явно не хотят с нами знакомиться, а мы, соответственно, с ними, да и зачем: здесь роман не заведешь, скоро нас всех уже как личностей не будет, а наши молодые красивые тела будут расхаживать по улицам и домам столицы и богатых анклавов, став носителями чужих мыслей и чувств. Я там никогда не была – ни в столице, ни в анклавах, но думаю, что в этих отвратительных для меня местах уже все забито такими, как мы. Существует легенда, что один молодой человек, сын очень богатых и влиятельных родителей, страдавший раком крови последней стадии – лейкозом, когда ему уже ничего не помогало, категорически отказался от пересадки сознания в уже готовое тело юноши, созданное специально для него в «Олимпе», а когда его попытались заставить силой, пригрозил взорвать себя и всех, кто находился в тот момент в его комнате, ручной гранатой, только по-

сле этого его оставили в покое. Он так никого и не взорвал, его убили метастазы, а приготовленного ему юношу передали кому-то другому, кто с удовольствием поселился в его молодом, сильном, здоровом теле с прекрасной внешностью и безукоризненным загаром. Правда, это всего лишь легенда, но так хочется верить, что такие люди все-таки есть – даже среди совершенно бессердечных «правителей жизни» и их совершенно бессовестных отпрысков.

Проходит минут пятнадцать, и нам сообщают о приземлении гравилета на бетонку «Нектара». Все-таки потрясающая техника этот гравилет. Не чувствуется ни набора высоты, как рассказывали мне дома, в сорок тысяч метров, ни разгона до скорости «эм-пять», как говорят специалисты, ни последующего торможения со снижением и, естественно, посадкой на специально сделанную для этого площадку.

Офицер, встречавший нас у трапа, встает и выходит вперед, подходит к двери из салона, затем останавливается и разворачивается к нам лицом.

Глава 5

– Внимание, скилпы! – говорит он командирским голосом, беря ситуацию сразу под свой полный контроль. – Вас здесь на настоящий момент тридцать пять человек – десять юношей и двадцать пять девушек. Наших сотрудников и охраны намного больше, поэтому любая попытка непови-

новения будет жестко пресечена, забракованных сегодня же доставят домой.

Мне рассказывали, что, согласно статистике, женщины заказывают примерно в два-три раза больше скилпов, чем мужчины, они испытывают куда большую потребность в омоложении, чем представители сильного пола. На одного скилпа-юношу приходится по два-три скилпа-девушки. Вот сейчас я воочию убедилась в этом. Бывает еще, что клиенты «Нектара» интереса ради заказывают перемещение сознания в тела скилпов противоположного пола, чтобы узнать, каково это – быть юношей или девушкой, и испытать ощущения им до этого неизвестные в их «прошлых жизнях». Но это редкость.

А мне все не дает покоя вопрос: почему это нас усадили подальше от остальных? Мест не хватило? Но там вроде бы были свободные места, которые я успела заметить, когда входила сюда, а точнее, когда меня сюда привели. Скорее всего, причина заключается в том, что наши лица красивее, чем у тех, других, мальчиков и девочек, которые сидят на противоположных от нас рядах. Даже Пыш выглядит очень привлекательной, несмотря на фигуру, именно за счет личика. То, что в другой обстановке стало бы причиной гордости и даже, наверное, самодовольства, сейчас сулит один только кошмар. Вопрос совсем не праздный. Значит, точно не забракуют!

Офицер отходит в сторону и движением левой руки, не

лишенным изящества, открывает дверь в салон, через которую мы, скилпы, в него и попали. Как же здесь все четко устроено и спланировано. За дверью мы видим уже готовых к действию здоровенных бойцов тактическо-ударной штурмовой группы, сокращенно ТУШГ, мы их называем «тушки». Это спецназ «сизов». Вся форма, снаряжение и оружие в нашей стране одного и того же цвета для каждой военизированной организации или ее подразделения. Так вот у «тушек» вся экипировка матового, чтобы не отбрасывать отблесков, темно-зеленого цвета – от шлемов до ботинок, включая оружие. Видела их бойцов пару раз в нашем городе.

Сначала заходят двое «тушек» с лейтенантскими погонами на плечах, мужчина и женщина, в полном боевом снаряжении: в бронежилетах – брониках, надетых поверх них разгрузочных жилетах – разгрузчиках и закрепленных на разгрузчиках автоматах на груди – и встают по обеим сторонам двери во властных позах: ноги на ширине плеч, руки на автоматах, указательные пальцы на спусковых крючках. Челюсть дамы по своим размерам, как и она сама, почти не уступает мужчине. За ними входят молодые люди в бордовой форме – сотрудники «Нектара».

И я прирастаю к сиденью кресла, когда вижу одного из них. Просто как удар током. Передо мной парень лет восемнадцати-девятнадцати с красивым лицом с тонкими чертами, без единого изъяна, с гладкой кожей, изумительными темно-синими, просто сапфировыми глазами и в доверше-

ние ко всему коротко стриженными темно-каштановыми волосами. Он одет в бордовую форму технических специалистов, или, как их еще называют, технарей «Нектара», а на голове такого же цвета форменный берет, лихо заломленный на правое ухо, с кокардой в виде эмблемы «Нектара» серебристого цвета. Мы смотрим друг на друга две-три секунды, но этого коротенького взгляда мне достаточно, чтобы запомнить его на всю долгую – или короткую, что вернее, – жизнь. Что может быть глупее, чем любоваться мальчиком в такой момент, как сейчас? Но я не в состоянии отвести от него глаз.

– Дэн, проходи, – говорит ему стоящий позади парень в такой же, как и у него, форме, и он проходит вперед.

Все, зрительный контакт разорван.

– Скилпы, встать! – рявкает на весь салон ранее выступавший перед нами офицер.

Мы встаем все как один. Значит, его зовут Дэн. Денис, что ли?

– Вы все поступаете в распоряжение персонала Научно-экспериментального комплекса «Нектар небес», слушаться его беспрекословно, а мы прощаемся с вами.

Нас всех одного за другим выводят на трап эскалатора и спускают на бетонную взлетно-посадочную площадку «Нектара».

Здесь солнечный день, но на небе не только перистые облака, но и темно-серые, солнце в зените и освещает огненно-рыжую листву осени. И траву, засыпанную этой листвой,

тоже.

Мы можем во всем величии наблюдать громаду «Нектара». Вид действительно грандиозный и производящий куда большее впечатление, чем на фотках или по телику. Шестнадцатизэтажное здание, отделанное красным мрамором с черными гранитными колоннами, полуутопленными в стенах, и такой же черной гранитной окантовкой под самой крышей. Вероятно, чердачный этаж. Между колонн широкие окна в блестящих металлических рамах. Высота, конечно же, не такая, как у небоскреба «Гротеля», но зато чувствуется монументальность.

Над входом огромная, наверное метров пять высотой, позолоченная эмблема «Нектара».

Как показывали по телевизору в одной из передач о достижениях Е-Кона, это здание, если смотреть сверху, представляет собой квадрат со стороной двести метров, а на крыше взлетно-посадочная площадка для гравилетов поменьше того, что нас сюда доставил, и четыре башенки по углам с входами-выходами из лестниц и лифтов. Именно на крышу привозят скилпов из «Олимпа», и туда же прилетает начальство и особо важные гости «Нектара». С противоположной стороны находятся вход в него и взлетно-посадочные площадки для клиентов. Помимо всего этого вокруг главного здания располагаются стоянки электромобилей, различные двухэтажные склады и даже два полотна железной дороги, территория обнесена литой чугунной оградой с эмблемами

«Нектара», которая крепится на каменных столбах, находящихся на расстоянии полукилометра от стен главного здания.

Охраняется территория весьма своеобразно. В земле через небольшие промежутки установлены мощные лазерные излучатели, которые испускают свои смертоносные лучи под таким углом к поверхности земли, что все вместе они пересекаются и образуют четырехгранную пирамиду высотой в пятьсот метров точно над поверхностью, на которой стоит главное здание, в месте пересечения диагоналей его квадрата. Дальше лучи бесследно рассеиваются, потому что мощности их излучателей не хватает. При необходимости включаются дополнительные излучатели, делая при этом расстояния между лучами настолько маленькими, что ни один человек не пролезет, но это только в случае опасности преодоления этой защиты со стороны того самого человека, о чем ее оповестят многочисленные датчики. А так излучатели включаются намного реже, хоть корова проходи, зато на высоте шестнадцатого этажа не подлетит ни один пилотируемый летательный аппарат.

Самые мощные излучатели, разумеется, в углах основания этой четырехгранной пирамиды. Излучатели каждой из сторон могут менять мощность до половины, создавая этим своеобразное окно или окна, позволяя тем самым пролетать на территорию «Нектара» и вылетать из него тем гравилетам и дронам, которым это разрешено. Над поверхностью зем-

ли они возвышаются на полметра в бронеколпаках, специально созданных для пропускания лучей лазеров. А вся эта защитная система, то есть совокупность излучателей, датчиков, различных элементов конструкции и приборов управления всем этим, так и называется – Пирамида. Но включается она только в самых экстренных случаях, а сейчас, разумеется, выключена. В повседневной жизни охрана осуществляется периметрами вроде тех, что используется в нашем Платонинском районе, только их излучатели совсем маленькие, можно на руках поднять, и стоят они на высоте роста взрослого мужчины, да и только. Здесь толпа прорываться не будет, «Нектар» стоит в чистом поле на месте деревни Шердиново, а сотрудников сюда привозят на работу и увозят с нее электропоезда из ближайших населенных пунктов за двадцать километров отсюда, но есть и обычные шоссе, по которым сюда можно приехать на электромобиле из тех же самых населенных пунктов. Снабжаются электричеством «Нектар», Пирамида и Периметр каждый от своей индивидуальной станции добычи электроэнергии. Я тогда не понимала, зачем нам все так подробно рассказывают, а теперь мне ясно, что это сделано для того, чтобы мы, скилпы, когда попадем сюда, понимали, что сбежать не удастся ни при каких обстоятельствах. Своего рода средство запугивания.

Здесь еще была и подземная станция метро, названная в честь той самой деревни, на месте которой и стоит «Нектар», но после какой-то там аварии, произошедшей здесь несколь-

ко лет назад, ее замуровали. У метро тоже своя собственная энергодобывающая станция. Это мне уже рассказали ребята в школе. По телику такого не скажут.

Аварии в нашей стране ликвидирует МКП – Министерство катастрофических происшествий. Вторая по вооруженности военизированная организация Е-Кона после СЗП. Ее военнослужащих называем «эмкапэшники».

Впереди меня идет бóльшая часть нашей группы, потому что их первыми вывели из гравилета, а рядом со мной идет Пыш, которая, как выясняется, почти на голову ниже меня, и Марина, которая, как опять же выясняется, на полголовы выше меня. Она самая высокая здесь среди девушек, а я, наверное, одна из ближайших к ней по росту, в чем убеждаюсь, осматривая других представительниц прекрасного пола. «Буду звать ее Мачта», – первое, что приходит мне в голову. Смотрю вверх – истребителей нет. Уже улетели. Думаю о чем угодно, кроме того, что скоро должно случиться, и ловлю себя на ужасной мысли, что солнце и голубое небо, уже затягивающиеся пепельно-серыми зловещими облаками, которые как нельзя лучше, на мой взгляд, характеризуют происходящее сейчас с нами на земле, оживающую красками цвета пламени листву в ярких солнечных лучах, черные стволы деревьев и серый бетон дорожки я вижу, может быть, в последний раз. Когда мое тело вновь выйдет отсюда, возможно, этими глазами будет смотреть уже кто-то другой.

Нас отделяет от входа сотни полторы шагов, которые мы проходим под строгим присмотром «тушек», не только идущих шеренгой сзади, но и стоящих в тех же властных позах по бокам расчищенной от листвы широкой бетонной дорожки, переходящей в той же ширины бетонное крыльцо, упирающееся в стеклянные двери с издевательской надписью: «Добро пожаловать!», которые при нашем приближении бесшумно разъезжаются в разные стороны. Мы проходим внутрь и оказываемся в большом зале, размером раза в два больше зала физкультуры в нашей школе, но вот только пришли мы не на физру.

Полы здесь из черного гранита, а в середине вместо него включена подсветка в виде темно-красного ковра с золотыми узорами, называется светомозаика, стены из серого мрамора, с красивыми позолоченными светильниками, под которыми бронзовые цифры 1, обозначающие, вероятно, первый этаж, а на потолке огромная, тоже отсвечивающая ярко сверкающей позолотой люстра. В трех стенах, кроме входа, двери лифтов из серебристого металла и пультами управления рядом. У стены напротив входа, посередине, стоит серая мраморная трибуна, на которой установлены три микрофона. На трибуне стоит женщина лет сорока пяти – сорока семи, с худым строгим властным лицом, орлиным носом, черными глазами с пронзительным взглядом и черными выющимися волосами, ниспадающими на плечи, покрытые опять же черным пиджаком с золотой эмблемой «Нектара» на левой

стороне груди, и в белой блузке с брошью, также золотой, на шее, под пиджаком. На стене за ее спиной, примерно между головой женщины и потолком, висит огромный портрет премьера.

Но больше всего мое внимание привлекает не это, а огромные роботы – стражи «Нектара», стоящие по четыре штуки с каждой из сторон трибуны. Каждый такой робот представляет собой здоровенную, метра два с половиной высотой, человекоподобную машину из серебристого металла с необычным синеватым оттенком и выдавленной эмблемой «Нектара» на груди, с широченными плечами, руками до колен, со странными клубками черного цвета на запястьях, и шеей с головой, очень похожей на большущую кирку с плоскими вертикальными концами. Длинной эта кирка примерно метр. Они, по информации из все тех же телепередач, все буквально увешаны датчиками, которые помогают им нести службу в «Нектаре». Двигаются они как люди, только руками при ходьбе не машут. Могут быть вооружены самым разнообразным оружием – например, телескопическими манипуляторами типа «ухват», стреляющими электрошокерами и еще всякой всячиной, я уже и не помню. Что именно есть у этих «друзей человека», затрудняюсь ответить, но вид у них очень внушительный.

Есть у роботов и свои знаки различия. У каждого с плеч на спину свешивается плащ. Малиновый с золотом – охрана персонала «Нектара», белый с золотом – охрана клиентов

«Нектара» и сопровождающих их лиц, синий – охрана скилпов, то есть нас, на территории «Нектара». У тех, что перед нами, темно-красные с золотом – значит, охраняют персонал этой организации.

И еще. Если на левой стороне шлема такого металлического стража горит лампочка бледно-зеленого цвета, то все хорошо и он не опасен для человека, а вот если красного, то берегись: скрутит и свяжет по рукам и ногам. Убивать людей им, если мне не изменяет память, категорически запрещено. Но, подозреваю я, кто-нибудь может и снять этот запрет.

У этих горят только бледно-зеленые лампочки. Хоть какое-то облегчение.

А вообще, здесь много, как я слышала из тех же передач, различной робототехники, но подробностей не знаю.

«Тушки» заходят в боковые двери вместе с нами, затем встают вдоль стен и входных дверей, спиной к ним, во все тех же властных позах, тем самым окружают квадратом нас, скилпов, и отделяют при этом от трибуны. Большинство из наших охранников мужчины.

Над женщиной на трибуне вспыхивает трехмерная голограмма ее головы, раз в двадцать больше оригинала, и многократно усиленный динамиками голос приветствует нас.

– Здравствуйте, скилпы! – говорит она хорошо поставленным голосом, явно произнося эту речь уже не в первый раз и привыкнув называть вещи своими именами, как и тот офицер из гравилета. – Поздравляю с выпавшей вам высочай-

шей честью передать свои тела лучшим представителям нашей нации для продолжения их великих жизней и глубоко сочувствую тем несчастным из вас, чьи тела будут забракованы. Сейчас все вы будете доставлены в сопровождении сотрудников комплекса и его охраны к местам проведения соответствующих процедур и операций. Слушаться сопровождающих беспрекословно, любое нарушение будет строго наказываться. В случае каких-либо происшествий выходить на лифтовые и лестничные площадки и ждать там, пока за вами не придут. Свой этаж не покидать! Туалеты посещать только на том этаже, на котором находитесь. Они есть на каждом этаже. На дверях мужских изображена голова льва, на женских – голова львицы. После их посещений возвращаться в отведенные вам помещения или опять же на лифтовые и лестничные площадки и ждать там, пока за вами не придут. Еще раз мои поздравления и сочувствия в связи с тем, что я уже озвучила в начале своей речи. Всего вам доброго!

Речь заканчивается, голограмма гаснет, и нас, скилпов, разделяют на группы по пять человек, с каждым по двое сопровождающих «тушек» и по два сотрудника «Нектара» на группу. Таким образом, в каждой группе по семнадцать человек. Мы направляемся к лифтам, которые гостеприимно, если такое понятие, как гостеприимство, вообще уместно применять к такому жуткому месту, как это, и бесшумно распахивают двери, звучит «Плюм!» (должно быть, ждали нас на этом этаже), и мы заходим внутрь большой кабины.

В детстве я однажды ездила на лифте, когда нас всем классом водили на экскурсию в музей «Гротеля», но там лифты были поменьше и поскромнее, чем этот. Изнутри кабина покрыта зеркалами на верхних половинах стен и полированным, тускло отсвечивающим металлом на нижних их половинах, а также на полу и потолке, где расположены белые светильники. На стене рядом с дверями пульт управления лифтом с сенсорным экраном, на котором на белом фоне в темно-синих кружках белые цифры от 1 до 16 указывают номера надземных этажей, а точно такие же круги с цифрами от -1 до -4, вероятно, подземных. Буква К над цифрой 16 обозначает, наверное, крышу. Один из сопровождающих нажимает кнопку с цифрой 9. Двери закрываются так же бесшумно, как и открылись, и мы едем вверх. Дэна в кабине не видно, да и не до него мне сейчас, хотя ощутить то ранее совершенно незнакомое и прекрасное чувство, которое на меня нахлынуло, когда я его увидела, возможно посетившее меня в первый и последний раз в жизни, было бы прекрасно.

Интересно, а какое здесь для нас придумали строгое наказание в случае непослушания охране и (или) персоналу «Нектара», о котором говорила эта женщина? Углубиться в эти размышления я не успеваю.

Темно-синие цифры с номерами этажей бесстрастно меняются на верхней части белого цвета экрана. Плюм! Вот и девятый.

Глава 6

Мы выходим на лестничную площадку, и меня вслед за Пыш, держа за локти, ведут два здоровенных дядьки-«тушки» по серому коридору. Остальных скилпов, наверное, ведут за мной. Здесь нет ни мрамора, ни позолоченных светильников, ни светомозаики, нет даже окон, только белые пластиковые двери по левой от нас стене. Расстояние между ними в несколько метров. Затем нас одну за другой наши конвоиры заводят в помещения за этими дверями, которые для каждого скилпа, по всей видимости, индивидуальны, а сами при этом остаются снаружи стоять в тех же самых властных позах. Только что завели в комнату Пыш, а за ней, в следующую, соседнюю комнату, и меня.

Комната представляет собой медицинский кабинет, примерно такой же, как и в нашей школе, но без окон, с черным кафельным полом, белыми кафельными стенами и белым потолком с большим шарообразным светильником также белого цвета, вместо стоматологического кресла, напольных весов и шкафчика с лекарствами, марлями, бинтами и шприцами там находится письменный стол с компьютером и какими-то бумагами, а в кресле перед столом сидит полная тетка лет шестидесяти в безупречно-белом халате, белой шапочке и с морщинистым лицом. Перед столом в левой от меня стене еще одна белая дверь с надписью: «Душевая». Она закрыта. Между столом и противоположной стеной стоит белое

устройство, похожее на установку для искусственного загара в солярии в раскрытом состоянии, которую я видела однажды в передаче по телевизору про «Олимп», кажется, она так и называется – горизонтальный солярий, только внутренние поверхности у нее бледно-зеленые, у крышки вогнутая, а у лежака плоская, на плоской поверхности лежит белое пластмассовое кольцо на проводе опять же белого цвета. Кольцо диаметром с кошачий ошейник, но ободок его раза в четыре шире. Нелепо, но именно на такие пустяки обращает сейчас внимание мое сознание, совершенно не желающее расставаться с таким родным для него телом. Это еще не замещение сознания, понимаю я, а просто медосмотр, иначе установок было бы две. Наверное, это установка биосканера. Медицинского прибора, пронизывающего тело безвредными лучами, позволяющими совершенно точно установить состояние его здоровья. В углу установки какая-то надпись черными буквами на белой краске. Отсюда не могу прочитать. В стене напротив входной двери, рядом с установкой, еще одна белая дверь. Третья по счету в этой комнате, если считать и ту, через которую я вошла. Она без всяких надписей и так же, как и дверь душевой, закрыта. Больше никаких дверей в комнате нет. От всей этой ослепительной белизны у меня сразу возникают самые неприятные ощущения. На стене над столом, разумеется, портрет премьера. На этот раз улыбающегося.

Тетка нажимает красную кнопку на клавиатуре компа, и

что-то щелкает за моей спиной – должно быть, закрылась дверь.

– Раздевайся догола и распусти волосы! Вещи в контейнер, – строго говорит тетка, показывая рукой на синий пластмассовый контейнер размером с коробку из-под нашего старого пылесоса справа позади меня, которую я не заметила, когда входила сюда. – Быстро! Не будешь слушаться – позову охрану.

Вот так вот, ни те здрасте, ни те как зовут! Ну а действительно, что еще с нами церемониться?!

Рядом с коробкой стоит стул с белым пластиковым пакетом со все той же черной эмблемой «Нектара». Пакет застегнут на молнию.

Раздеваюсь догола и складываю в контейнер свои вещи. Волосы мои после снятия шапки и так распущены. Здесь совсем не холодно, но ощущение не из приятных.

– Проходи за дверь, – говорит тетка и кивает головой на дверь душевой.

Прохожу туда и вижу душевую с двумя кабинками справа и двумя металлическими столами слева, на которых лежат какие-то инструменты. Посередине еще две тетки. Обе здоровенные, на них, помимо белых шапочек и халатов, черные резиновые маски на лицах, наподобие марлевых повязок, такие же черные перчатки с раструбами, фартуки и сапоги.

Здесь меня быстро моют, сушат, удаляют волосяной покров везде на теле, где он только есть, кроме головы и бро-

вей, коротко стригут ногти на руках и ногах, снова моют, снова сушат и расчесывают волосы. Те, что остались. Затем выводят обратно к тетке за компьютером, чьи пальцы тем временем очень ловко и совершенно бесшумно порхают по его клавише. На экране монитора перед ней какая-то таблица. Она немедленно прекращает ее заполнение и проводит меня к белой установке, похожей на горизонтальный солярий. Мои босые ноги шлепают по полу. Подхожу ближе и вижу надпись на ней, которую раньше не могла прочитать. Она является названием этого устройства: «Биосканер „Полярная звезда – 945“». Да, я не ошиблась.

– Ложись, глаза закрывать не нужно, – все так же строго говорит тетка и указывает мне на биосканер.

Я ложусь, тетка закрепляет на запястье моей левой руки белый браслет и закрывает крышку. Звуки снаружи биосканера исчезают полностью, меня окружает умиротворяющий и совсем не яркий бледно-зеленый свет, в отличие от настоящего солярия, а приятная прохлада обволакивает мое тело. На левом запястье, с внутренней стороны руки, что-то легонько пощипывает под браслетом, и, если бы не чудовищность ситуации, это было бы, возможно, довольно забавно, но сейчас меня совершенно ничего не забавляет. Не знаю, сколько проходит времени, наверное, минут пять, и крышка биосканера открывается. Передо мной стоит тетка в белом халате, а рядом с ней женщина лет пятидесяти, ростом пониже тетки, полная, с коротко стриженными черными кра-

шеними волосами, широким лицом, половину которого закрывают черные очки. Одета она в серебристый брючный костюм, сшитый по последней столичной моде, и ярко-красную блузку. Что-то не похожа она ни на сотрудницу «Нектара», ни тем более на его охранницу. «Заказчица!» – вспыхивает как лампочка ответ в моем мозгу. «Так вот, значит, кому приглянулось мое тело! И как теперь себя вести с ними?» – задаю я себе вопрос.

– Вот такая вот у вас девочка, Нина Антоновна! – говорит тетка в белом халате женщине, будто подтверждая мои предположения относительно причины нахождения этой дамы подле меня, на что та лишь глумливо улыбается.

– Девственница, – говорит на ухо женщине тетка негромким голосом, но я все равно отчетливо слышу это слово. Улыбка на лице Нины Антоновны становится еще шире, и она довольно кивает головой.

– Так, Журавлева, – обращается тетка уже ко мне своим обычным в общении со мной тоном, снимает с моего запястья браслет и указывает рукой на стул с белым пакетом: – Марш одеваться и за дверь, что делать дальше, тебе сообщат.

На том месте, где щипало под браслетом, обнаруживаю резиновый на ощупь квадрат розового цвета, плотно впившийся в кожу, а на нем белые полоски и цифры штрихкода. Боли от этой штуки никакой нет, приятного, впрочем, тоже.

– А это что? – удивленно спрашиваю я, разглядывая неожиданно возникшую бляшку.

– Не твое дело, – уже строже говорит тетка. – Делай, что говорю. Живо! Живо!

Встаю, подхожу, вновь шлепая босыми ногами по полу, к стулу с пакетом, открываю его и достаю одежду. Спортивную куртку на молнии с капюшоном, спортивные штаны и легкие спортивные туфли на тонкой подошве, без шнурков. На краях рукавов и штанин находятся резинки. Но это здесь не единственная резина. Вся ткань одежды и обуви цвета спелых баклажан прорезинена. Подошвы обуви из резины целиком. В другой ситуации это вызвало бы у меня различные вопросы, но в эту минуту мне явно не до них. Больше ничего в пакете нет – ни белья, ни хотя бы футболки или носков.

Надеваю все это на голое тело, но вовсе не удобство вещей, хотя все оказывается очень удобным, меня сейчас волнует. Только сейчас замечаю, застегнув куртку, что коробки с моими вещами здесь больше нет. Плохой знак. Очень плохой.

– Я забракована? – с надеждой спрашиваю я, хотя уже предвижу ответ, раз мне выдали новую одежду, а мою забрали.

– Нет, – подтверждает мою страшную догадку тетка, подходит к столу и нажимает вновь на красную кнопку. Щелчок замка звучит почти как оглашение приговора. Но только почти. Настоящее оглашение звучит дальше: – Ты подходишь. Иди! Иди!

И с этими словами она выпроваживает меня за дверь, где меня сразу берут под локти ждавшие все это время «тушки».

Им все ясно, раз на мне эта одежда.

– Эта годится, в комнату ожидания ее, – намного вежливее, чем мне, говорит им тетка. – Когда надо, вызовем вас и отведете ее в лабораторию.

Лаборатория! Когда она произносит это слово, я сразу вспоминаю, что именно так здесь называют то самое место, где все и происходит. Так в тех самых передачах по телику про «Нектар» говорили.

Наверное, так звучал в древние времена, задолго до Последней мировой, свист топора палача для приговоренного к смертной казни, чьи голова и шея уже лежали на плахе.

А вот это, похоже, действительно все!

В коридоре никого нет, кроме нас троих. Я самая первая или самая последняя из нашей группы? Да какая теперь-то разница?

Меня довольно бесцеремонно, но аккуратно, не нанося ни малейших травм (чувствуется опыт), ведут по коридору. Сейчас люди здесь плачут? Или нет? Но я плакать не умею. Нет почему-то у меня слез.

Меня выводят из этого серого коридора в ярко освещенный бежевый. Ноги стали как будто деревянные. Здесь есть окна, но за ними темные помещения, а двери рядом с ними тоже пластиковые, как и в сером коридоре, но только бежевые, и в них тоже есть окна. И окна, и двери с ними по правую от нас стену. В левой же, в подсвеченной сверху нише, тянущейся, наверное, вдоль всей этой стены, на уровне туловищ

моих могучих конвоиров за стеклом висят какие-то цветные фотографии, а под ними стоят пестро раскрашенные статуэтки. Именно их пестрота и привлекает мое внимание, а то бы вообще их не заметила. Мне сейчас явно не до этого. И я отворачиваюсь, не разглядывая их.

Повинуясь конвоирам, захожу в какую-то комнату. Стражники со щелчком выключателя на стене включают свет. Комната эта, чуть поменьше кухни у нас дома, такого же цвета, как и коридор. В ней я, следуя указаниям одного из охранников, не снимая туфель, ложусь на белое кресло-кушетку у самой стены в углу слева, напротив входа, и чувствую, как тело мое уже второй раз за сегодняшний день становится ватным. Кресло-кушетка крепится, как я успеваю заметить, здоровенными болтами к полу. Еще в комнате есть белый стул рядом с кушеткой – и больше ничего. Конвоиры мои говорят мне, чтобы я лежала здесь тихо и скоро за мной придут те, кому это положено, затем они выходят, прикрывая за собою дверь. Я лежу, а что еще делать? Через примерно полминуты или, может быть, чуть меньше заходит еще один «тушка», придиричивым взглядом осматривает меня и помещение, повторяет то, что уже сказали отконвоировавшие меня сюда его коллеги, и так же, как и они, выходит, прикрывая за собой дверь. Я лежу так несколько секунд, не в состоянии собраться с мыслями. Наверное, это одни из последних моих мыслей.

Ба-бах! Грохот жуткого взрыва заставляет меня буквально подскочить на своем ложе. Дрожат даже стены, одной из которых я касаюсь ладонью правой руки, со звоном разлетаются разбитые стекла, в том числе и в окне и двери моей комнаты; успеваю прикрыть руками лицо от осколков, но они, к счастью, до меня не долетают. Кажется, содрогнулось все здание от крыши до фундамента, у меня закладывает уши, выключается свет, и все погружается во мрак. По-моему, рядом упал стул. Гул от взрыва и звон разбивающихся стекол все еще стоят в ушах, а я наконец-то опускаю руки: вроде бы до меня осколки стекла даже не долетели, да и выбито, думаю, все вокруг меня, нечему теперь разбиваться, – как вдруг мне чудится в наступившей крошечной тьме, будто что-то проносится по коридору в сторону, куда ушли «тушки», и что-то падает. Или мне только померещилось и это был всего лишь поток воздуха, а падения не было вообще? Не знаю, что мне думать и делать сейчас.

Какое-то время продолжаю лежать в кресле-кушетке. Одно мгновение. Два. Тишина и темнота становятся пугающими. Что случилось?! Осторожно, вцепившись в край своего ложа, спускаю ноги на пол и пытаюсь носком левой ноги нащупать ножку стула, чтобы не врезаться в него, когда пойду к двери. Есть! Нашупала! Судя по положению ножки, стул действительно упал, как я и подумала.

Ба-бах! Второй сильный взрыв, не меньше первого, сотрясает все вокруг, слышен гром рушащихся перекрытий и отчаянный женский визг. Подпрыгиваю вновь уже на краю кресла-кушетки и второй раз касаюсь ножки лежащего на полу стула. Мое ложе устояло только благодаря его жесткому креплению, догадываюсь я. Наступившая опять тишина снова разрывается, но в этот раз не взрывом, а грохотом пулеметной очереди. Ого! Это не просто авария на станции добычи электроэнергии «Нектара», случилось что-то очень серьезное. Топот ног, шум падения чего-то тяжелого, еще один женский крик, но уже тише. К моим ушам возвращается нормальный слух, что меня очень радует. В коридоре начинает мигать белым светом уцелевшая лампа. В ее мигающем свете вижу окно с разбитым стеклом и раскрытую нараспашку дверь, будто ее выбили ударом ноги. Слезаю с кресла и иду в направлении к двери. Белый свет тускнеет и становится совсем слабым – и тут же загорается красный, аварийный. Он не такой яркий, как свет рабочего освещения, и позволяет видеть в помещениях только предметы, но и это совсем не плохо по сравнению с полной темнотой. К красному свету примешиваются отблески синих электрических вспышек, сопровождаемых характерным треском. В нос ударяет едкий запах сгоревшей резины. Тут еще и пожар! Выхожу в коридор. Запах гари усиливается, и пахнет уже не только сгоревшей резиной. Примешивается еще какой-то очень противный запах. Стараюсь не думать об этом. Мои опасения отно-

сительно пожара подтверждаются. Вдали, у поворота коридора, действительно вижу пламя. Только этого мне не хватало!

Вж-ж-жих! У-у-ух!

Под потолком что-то зашипело – и меня окатывает струями холодной воды. Включилась система пожаротушения. Успеваю застегнуть молнию до подбородка и накинуть капюшон. Так вот зачем одежда прорезиненная! Как раз на такой случай. Очень предусмотрительно! Да, действительно, наши тела должны быть сухими и чистыми. Вода хлещет секунд пятнадцать-двадцать и затихает. Наверное, что-то сломалось, но огонь в конце коридора она все же потушила. И на том спасибо!

Периодически доносятся разные звуки: крики, топот, треск ломаемой мебели, звон разбиваемого стекла, даже выстрелы – одиночные и очередями. Пару раз звучат приглушенные хлопки. Взрывы?! Над всей этой какофонией бодро, стараясь максимально поднять людям настроение, звучит аварийная сигнализация, женский голос которой предлагает сохранять спокойствие, не поддаваться панике и следовать к выходу. Как говорит дед, накрыться белой простыней и ползти в сторону кладбища. Очень древняя мудрость.

Отхожу, скользя на мокром полу, к стене и, присаживаясь на пятки, прижимаюсь к ней спиной рядом с разбитым окном. Перевожу дыхание. Женский голос, призывавший к спокойствию и спасению, замолк. Вспоминаю, что говорили

нам о плане эвакуации из здания перед медосмотром. Идти к лифтовым и лестничным площадкам, свой этаж не покидать и ждать, когда за нами придут. А если все это задымлено, как при большом пожаре, и ничего не видно? Что гадать, надо действовать! Только вот как? Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти ответ на этот вопрос, но он пока никак не находится.

В полутьме коридора, освещаемого лишь аварийными лампами, медленно раскачивается свисающая с потолка на черном проводе еле-еле горящая трубка обычного, бледно-белого света. Рядом со мной в стене выбитое окно, рядом с ним дверной проем. Окно и дверной проем расположены как и в моей комнате, из чего я делаю несложный вывод о том, что здесь, скорей всего, такая же комната, что и та, где «тушки» оставили меня перед этими жуткими взрывами. Сама дверь тоже выбита, как у меня, и лежит на полу внутри комнаты. Перед окном, справа от меня, пол засыпан мелким битым стеклом, очень похожим на битое стекло электромобиля. В свете аварийных ламп оно кажется россыпью рубинов в подземелье волшебного замка, как в сказках, которые отец читал мне в детстве. Гоню от себя эти мысли. Нашла время для романтики и воспоминаний! Перед своей комнатой я просто не обратила внимания на, вероятно, точно такие же. Не до того было.

Холодная вода стекает с волос под курткой на голую спину и поясницу до поясной резинки штанов. Очень неприят-

ное ощущение. Как будто мокрой тряпкой по ней ударили. Так меня однажды в детстве бабуля наказала за какую-то шалость. За что именно, уже и не помню. Откидываю капюшон, достаю волосы из-под воротника, перебрасываю через плечо и начинаю отжимать. За спиной скрежет. Настораживаюсь. Ну мало ли что.

– Кто там? – слышится за стеной тихий знакомый девичий голос и несколько всхлипов.

Я аж подскакиваю от неожиданности. Это еще кто? Словно в ответ на мой вопрос звучит новая реплика:

– Я... я Маша. Кто там? – Снова всхлипы.

Маша? Что еще за Маша? Пышка? Пыш, ты, что ли?

– Привет, – машинально здороваюсь я. Но мы ведь уже виделись и даже разговаривали! Стараясь сгладить глупость, произношу: – Я Крис, Кристина. Мы летели сюда на соседних местах в гравилете.

– Я помню. Ты – которая про гравилет говорила.

– Точно, – подтверждаю я и задаю вопрос: – Ты там одна?

– Одна, но... но тут дядька лежит, – слышу немного странный и заставляющий взволноваться ответ.

– Что за дядька? – с напряжением в голосе спрашиваю я.

– Он меня проверял, а потом... потом упал. Когда громынуло и свет погас.

Кажется, я начинаю понимать. Это, наверное, тот «тушка», который проверял и меня, а потом пошел проверять Пыш. В очередной раз слышу всхлипы.

– Где он лежит? – пытаюсь выяснить подробности.

– У входа... – Снова всхлипы.

Ясно, надо что-то делать. Аккуратно, на полусогнутых ногах иду вдоль выбитого окна. Под ногами хрустит битое стекло. Убираю мокрые волосы со лба. Дохожу до дверного проема и вижу через него внутри комнаты ноги охранника. Протягиваю руку, дергаю за штанину, понимая при этом, что так просто в чувство его не приведешь. Возможно, серьезно ранен. Идти в комнату бессмысленно, там слишком темно. Буду вытаскивать в коридор. От Пыш, похоже, толку мало. Значит, сама. Берусь за ноги. Не очень вежливо, конечно, по отношению к взрослому человеку, но с учетом обстоятельств, надеюсь, он меня простит. Начинаю тянуть. Здоровый дядька, да еще в броне. Кое-как выволакиваю тело в центр коридора, смотря на ноги. Фу-у-ух! Выдыхаю.

– Мах, выходи! – говорю я.

Внимательно осматриваю тело, насколько это возможно при скудном освещении аварийных ламп. Ноги, живот, грудь, плечи... В ужасе отшатываюсь назад. Отдергивая голову в сторону, до боли закусываю запястье правой руки и загораживаю пальцами левой глаза и вдобавок на мгновение крепко их зажмуриваю. Открываю глаза, глубоко дышу носом и высоко поднимаю подбородок, сдерживая рвотные позывы.

У тела нет головы.

От того места, где она должна находиться, тянется темная

полоса в комнату. Кровь. Значит, голова, вероятно, где-то внутри. Фу-у! Проверять не хочется. Рвотные позывы все-таки удалось сдержать. Глубокое дыхание позволяет успокоиться, насколько это сейчас вообще возможно. Перевожу взгляд на дверной проем. С правой стороны внизу на темном фоне дверного проема вижу белый полукруг, на нем мигающий глаз. Пыш, освобожденная из заточения моими стараниями, собирается выйти на волю. Полукруг с одним глазом превращается в круг с двумя глазами, а затем целиком в девушку с мокрыми, как у меня, волосами, заплаканными не как у меня глазами, распухшим от слез носом и в такой же, как и у меня, одежде и обуви. Все это мне удастся различить даже при таком скудном освещении. «Значит, ее тоже не забраковали, раз уж она оказалась в соседней со мной комнате в одежде для скилпов», – с грустью рассуждаю я.

– С-с-спасибо, – бубнит дрожащим голосом Пыш.

– Пожалуйста, – отвечаю я.

Так. Что делать теперь? Как говорит дед, «оружие – твой самый лучший и преданный друг». Вновь осматриваю мертвое тело, старательно избегая переводить взгляд на верхнюю его часть. Нашла! К правому бедру пристегнута кобура с пистолетом, к левому – ножны с ножом. На правом плече замечаю темного цвета устройство очень похожее на рацию. Связь не менее важна, чем оружие, говорил папа. Но сначала все-таки оружие, решаю я. Брать чужое – плохо, да еще снимать с мертвеца, но выбирать не приходится. Встаю на

левое колено перед погибшим. Сжимаю губы, стискиваю зубы и вытаскиваю пистолет – бац! – он пристегнут вьющимся, как у телефона, проводом с застежкой-карабином на конце. Кое-как отстегнув застежку, соображаю, что мне некуда засунуть оружие: в одежде нет карманов, а под ней я голая. Чувствуя себя полнейшей дурой, вновь пристегиваю пистолет к карабину, вкладываю ствол обратно в кобуру, которую снимаю с тела погибшего, и пристегиваю к своему правому бедру. Рассматриваю нож. Он так же пристегнут к ножнам, как и пистолет к кобуре.

– Ты что делаешь? – спрашивает Пыш, судя по голосу, тоже уже немного успокоившаяся.

– Вооружаюсь, – коротко отвечаю я. Она разве не понимает, что без оружия нам конец?! Возможно, нам и с ним конец, но его наличие повышает наши шансы выжить.

«Не надо жадничать, – думаю я. – У Пыш тоже должно быть оружие». Снимаю ножны с ножом вслед за кобурой с пистолетом с тела покойника.

– На, возьми нож, – предлагаю я девушке и протягиваю ей оружие в ножнах рукоятью вперед.

– Не-е, спасибо, – отвечает она, мотая головой из стороны в сторону. – Я эти спецназовские ножи ненавижу, может, ими уже людям горла резали! И пистолеты тоже! Может, из них кому-то в головы стреляли!

– О как! Об этом я, честно говоря, не подумала, – удивляюсь я аргументации девушки. – Какие мы нежные и чув-

ствительные! Ладно, не хочешь – как хочешь. Настаивать не буду.

Но я-то не такая нежная и чувствительная и поэтому встаю с колена на ноги и точно таким же образом вешаю ножны с ножом, как до этого поступила с кобурой и пистолетом, на бедро. Только теперь на левое.

– А вот это я возьму! – неожиданно радостно сообщает Пыш и, встав на колени перед мертвым телом с противоположной от меня стороны, вытаскивает ярко-красного цвета баллончик с перцовым газом из чехла на ремне «тушки». – Из него уж точно никого не убили!

Возможно, ее радость – некая компенсация психологического стресса, вспоминаю рассказы деда о психологии. Но об этом сейчас некогда думать, и я не ее психоаналитик.

– Проверь его наполненность, – рекомендую я ей и вспоминаю рассказы об этих баллончиках в нашем дворе. – Вдруг его уже опробовали на таких же скилпах, как и мы.

Вновь встаю на колени, наклоняюсь вперед над бездыханным телом и принимаюсь рассматривать устройство на его плече. Через пару секунд по дырочкам динамика определяю, что это рация и есть. Убедившись в этом, перевожу взгляд на девушку, собираясь ей об этом сообщить.

Пыш тем временем деловито осматривает баллончик, находит кнопку контроля наполненности на боку и нажимает ее, что говорит о ее осведомленности в обращении с подобными средствами индивидуальной защиты. Днище баллон-

чика загорается приятным на вид зеленым светом. Ясно, он полный.

– Полный, – радостно сообщает она мне, показывая при этом баллончик.

– И куда ты теперь будешь его класть? – возникает у меня естественный вопрос. – Будешь с него ремень снимать ради чехла для баллончика? – Я киваю головой в сторону мертвого тела «тушки».

До девчонки доходит то, что минутой ранее дошло до меня, когда я разоружала погибшего бойца. Снимать ремень с него Пыш явно не горит желанием. Так и хочется сказать ей, куда она может его себе засунуть, но надо соблюдать вежливость.

– Ладно, – говорю я, – неси в руке.

Пыш оттягивает резинку на запястье на левом рукаве, убирает в него баллончик («Хорошо придумала», – мысленно подмечаю я) и снова прижимает резинку к руке, на которой замечаю такую же бляшку со штрихкодом, как и у меня. «Только вот цифры на ее бляшке, наверное, другие», – думаю я, а цвет этой самой бляшки, естественно, не могу разобрать.

– Молодец! – хвалю я ее за находчивость. – Ловко придумала!

Она довольно улыбается мне в ответ обворожительной улыбкой, с трогательными ямочками на щечках. Выглядит при этом очень красивой. Наверное, пользовалась внимани-

ем парней в школе и во дворе. «За это-то тебя и выбрали и не забраковали, – с грустью и горечью думаю я. – Как и меня...»

Неожиданный громкий звук мужского голоса, искаженно-го динамиком рации, заставляет нас вздрогнуть.

– Двадцать шестой... двадцать шестой... ответьте девятому... прием... Двадцать шестой... двадцать шестой... ответьте девятому... прием... – Резкий хлопок, вскрик: – Ох! – Шипение и треск, потом рация замолкает. У меня возникает неприятное ощущение, что на другом конце беспроводной связи рация просто уничтожена, как, возможно, и ее владелец.

– Это я... мы... Маша и Кристина! – нагибается вперед и немного истерично кричит Пыщ, уже сама понявшая, что это устройство – рация, и теперь ей это рассказывать не нужно, соображаю я.

Ничего. В ответ – тишина. Переговорное устройство упорно хранит молчание. Мои наихудшие предположения начинают подтверждаться. Мы в четыре руки, уже не обращая внимания на безголовое тело, вцепляемся в рацию и пытаемся снять ее с тела, но она как-то очень хитро закреплена на нем, и мы терпим неудачу.

И тут меня осеняет: нас ведь сюда привезли интеллектуально убивать, так зачем же звать на помощь своих будущих убийц? Может быть, это наш шанс вырваться отсюда и спастись – убежать и где-нибудь спрятаться? Надо найти и освободить других скилпов! Но для этого необходимо сначала

выйти отсюда! Из этого полутемного коридора. Я сажусь задом на пол и приглушенным голосом озвучиваю эту нехитрую, но поистине гениальную мысль своей подруге по несчастью. Она также садится на пол напротив меня и внимательно слушает. Глядя на лицо Пыш в свете ламп аварийного освещения, понимаю, что ее тоже осеняет вслед за мной.

– Ты со мной согласна? – спрашиваю я.

– Да, конечно! – отвечает она.

– Так будем и действовать? – задаю я второй вопрос.

– Обязательно! – дает она второй ответ.

– Отлично! – резюмирую я.

Похоже, что у меня теперь не только подруга по несчастью, но и союзница. Это хорошо!

Встаю на ноги первой и отряхиваю руками у себя штаны на заднице.

– Вставай, нам надо идти, – напоминаю я ей.

Девчонка встает вслед за мной и также отряхивает руками на том же месте у себя штаны.

– Знаешь, прежде чем этот «тушка» упал... ну... это... который меня проверял, – говорит она и кивает головой на обезглавленное тело. – Мне показалось, что что-то пронеслось по коридору в темноте и, возможно, даже побывало в моей комнате. И после этого «тушка» и рухнул на пол.

Я вздрагиваю от этого рассказа. Значит, померещилось не только мне одной. Именно такая мысль и приходит мне в голову, и я рассказываю свои воспоминания об этом недавнем

эпизоде. Молча смотрим друг на друга несколько секунд, пожимая плечами, обмениваемся мнениями по этому вопросу и приходим к выводу, что однозначного ответа у нас нет. То ли какое-то физическое тело и вправду пронеслось, то ли просто ветер. Но кто или что убило «тушку», ответить сами себе не можем. А раз нет, то нечего на эти обсуждения и время тратить, надо скорее выбираться отсюда.

Приняв это судьбоносное решение и отжав воду с волос, мы направляемся к ближайшему повороту коридора, перешагивая через куски штукатурки, битого стекла, разбитых ламп и упавших с потолка отделочных материалов. Кое-где витрины так же разбиты, а фигурки за ними повалены. Они, похоже, оказались сделаны из обычной пластмассы, лишь снаружи покрыты разного цвета красками. Но выяснять это нет никакого желания. Какофония не умолкает. Где-то под нами то и дело звуки беготни и выстрелов, но все реже и реже. Несмотря на это, мы прибавляем шаг.

– А если нас поймают? – взволнованно говорит Пыщ, возвращаясь к теме побега.

– И что сделают? – отвечаю я. – Убивать и мучить не станут. Им нужны наши тела в целостности и сохранности, а сознание по-любому удалят. А раз так, то что мы теряем? Наши семьи тоже вряд ли будут за нас наказывать. Если план удастся, нас сочтут просто пропавшими без вести в этой катастрофе. Возможно, такие пропавшие будут и без нас.

– Слу-у-шай, а побеги отсюда уже были? – не успокаива-

ется мой новый партнер.

– Не знаю, – отвечаю я честно. – Может, и были, а может, и нет. Но попробовать стоит.

– А по-моему, были. – Пыш, похоже, сама увлеклась моей идеей. – По подземной линии метро от станции... как ее там...

– «Шердиново», – подсказываю я. – Не выйдет. Ее залили бетоном, а тоннель закрыли лазерами. Нет. Будем выходить по земле или улетим.

– А как же Пирамида? Смотрела по телику передачу про эту защитную штуку? Помнишь, что там говорили про лазеры?

– Дождемся их отключения или отключим сами.

– Это как? – с неподдельным интересом спрашивает Пыш.

– Ну не знаю пока, кабель, питающий их электричеством, найдем и перерубим или станцию добычи электроэнергии взорвем, – вспоминаю я, как однажды отец рассказывал другу на кухне, как можно обесточить целый город.

Шагов через пять останавливаемся и выбираем дальнейший маршрут.

– Пошли туда, там ближе, – указываю я в направлении, которым шли ранее.

– Может, лучше в другую сторону? – предлагает Пыш и показывает на слабо светящую лампу, свисающую с потолка в другом конце коридора.

Она что, любительница неизвестности? Только-только ед-

ва не умирала со страху, а сейчас захотела приключений на свою... поясницу?

– Но мы же оттуда пришли. – Я снова показываю на выбранное мною направление движения.

– А что ты раскомандовалась? – возмущается Пыш.

Я – раскомандовалась? Чушь какая!

– Ничего я не раскомандовалась! – теперь уже возмущаюсь я и, поднимая руку в направлении несчастной негаснущей лампы, говорю, сохраняя спокойный, но твердый голос: – Иди куда хочешь! Пожалуйста, иди! Я что, мешаю?! Иди на здоровье! Иди!

Поворачиваюсь и иду в своем направлении. Прохожу два шага и слышу за спиной резкий хлопок. Оглядываюсь и вижу – несчастной лампе настал конец. Поворачиваюсь обратно и вновь иду в своем направлении. Слышу шаги за спиной. Меня догоняет компаньон.

– Ладно, – снисходит до обращения Пыш. – Идем туда! – Кивком головы показывает мне выбранное мною же направление.

Нет, вы слышали! Она мне еще и одолжение делает! Деловая, как сказали бы у нас на районе.

Впереди справа на стене вижу белый ящик с полураскрытой рамой красного цвета с выбитым стеклом. Сбоку на ящике нарисованы красной краской языки пламени в круге. Так обозначают пожарные щиты. Цвета из-за плохого освещения угадываю по памяти. Просто вспоминаю, как выглядят та-

кие щиты и их содержимое в моем родном городе. Подходим ближе, и я понимаю, что не ошиблась с назначением ящика. В нем обнаруживаем красный, необычного вида топор с длиннющим, наверное метра полтора, пластиковым топориком, красное обыкновенное ведро и белый шланг. Да, все как и в нашем городе. Хорошая штука – память. «Пожарным топором вряд ли людей рубили», – думаю я. Снимаю его с креплений, вытаскиваю из ящика и протягиваю своей спутнице – ради поднятия ее же боевого духа. Вижу, мне это удалось. Пыш берет пожарный топор и выглядит теперь очень воинственно. Наверное, она разделяет мое мнение относительно этого «гаджета». Мы продолжаем путь. Надеюсь, я не получу этим топором по голове. Не хотелось бы. Хотя зачем ей меня убивать?

Доходим до конца коридора и обнаруживаем т-образный перекресток. Везде на полу лужи воды после работы системы пожаротушения. Но лучше лужи, чем огонь, это уж точно! Направо – короткий коридор с выходом на лестничную площадку, которая, так же как и коридоры, освещается аварийными лампами, налево – ура! – чуть подлиннее коридор с окном. Отправляемся к нему. Через десять шагов коридора поворот налево, напротив нас видим стену, а справа – большое окно. Мертвых тел больше, к счастью, нигде не видно.

– Идем к окну?! – радостно говорю я.

– Идем! – соглашается моя спутница.

Мне очень хочется посмотреть на улицу. Пыш, я думаю,

тоже. Подходим к повороту и смотрим за угол. Чисто. Только коридор какой-то странный. В длину метров десять, а там поворот направо. С виду ничего особенного: ни окон, ни дверей, ни витрин, в отличие от того, где были наши комнаты. Освещен также аварийкой. Только шире раза в два. Тревожно мне как-то от его вида. Хотя здесь, с учетом обстоятельств, все тревожно. О том, кто или что может скрываться в его глубине, не хочется даже думать.

– Стремно как-то, – озвучивает мои мысли Пыш.

– Ладно, – стараясь подбодрить нас обоих, и в первую очередь саму себя, говорю я. – Разберемся!

Глава 8

Подхожу к окну и восхищенно замираю. Зрелище потрясающее: яркие бело-голубые лучи лазеров, исходящие будто бы прямо из верхушек деревьев, буквально разрезают синего цвета небо и мрачные серо-свинцовые облака, сквозь которые пробивается солнечный свет. Лучи устремлены ввысь под различными углами, что придает этой грозной силе особую красоту и величественность. Пирамида в действии! Прямо перед зданием простирается сад «Нектара», ветви дальних деревьев которого закрывают от нас надземную часть сооружения, где находятся лазерные излучатели, и кажется, что лучи произрастают непосредственно из покрытых огненно-рыжей листвой верхних ветвей деревьев.

Листва еще и красиво светится в лучах солнца. Вид великолепный!

– Ух ты! – слышу рядом. Пыш подходит к окну, останавливаясь справа от меня, и с шумным – бух! – опусканием топора на мокрый подоконник разделяет мое восхищение: – Крутяк!

Высшая похвала девчонки! Согласна с ней! Какое-то время стоим и любуемся поистине завораживающим пейзажем за окном. Но это не к добру, быстро соображаю я. Значит, произошла какая-то крупная катастрофа. Раз включилась Пирамида, значит, все еще серьезнее, чем я думала, а наши шансы отсюда сбежать стремительно уменьшаются. Однако, несмотря ни на что, от этого зрелища оторваться действительно очень трудно. «Хватит! – одергиваю я себя. – Красота красотой, но жизнь дороже! Тем более целых две жизни! Пора уточнить, как говорит дед, наши боевые возможности».

Только теперь, стоя у окна с таким необычным, но очень хорошим освещением, придирчиво осматриваю свой арсенал. Пистолет ПГ, почти такой же, какой и был у отца, калибра одиннадцать миллиметров, только дизайн поновее. Темно-зеленого матового цвета, чтобы не давать никаких отблесков. Магазин извлекается так же, как когда-то показывал мне папа, – нажатием кнопки на рукояти рядом со спусковым крючком. Рукоять очень удобная, покрытая какой-то особой резиной, приятной на ощупь. У отцовского пистолета была другая. Похоже на повышение удобства стрелка

или, как еще его называют, эксплуатанта. Вытаскиваю, или, как правильно говорить, извлекаю, изучаю и засовываю магазин обратно в рукоять пистолета. Боекомплект больше, с радостью отмечаю я: двадцать патронов вместо пятнадцати, что написано на этом самом магазине. А вот это уже просто апгрейд. Наверное, новая модификация. Снимаю пистолет с предохранителя и досылаю патрон в патронник, как учил отец, – на тыльной стороне затвора загорается квадратный экранчик лазурного цвета с белой цифрой 20, обозначающей количество патронов в оружии, а на полу загорается сапфирово-синяя точка лазерного прицела. Ставлю оружие на предохранитель вновь. Цифра и точка гаснут. Ух ты! На кобуре есть карман с запасным магазином! Это хорошо! А я-то сразу и не заметила! Теперь нож. Похож на армейский, как по телику показывают. Покрашено даже лезвие, кроме узкой полоски искривленной, остро заточенной, даже прикасаться боязно, режущей поверхности с одной стороны и зазубрин пилы с другой. Кровосток придает «перу» особенно зловещий вид. Цвет рукояти, эфеса и клинка такой же, как и у пистолета. Теперь вспоминаю, что вся экипировка «тушек»: шлемы, одежда, бронежилеты, кобуры, ножны, обувь – буквально все именно такого цвета. Похоже, он у них любимый! Ярко-красный баллончик с перцовым газом, доставшийся Пышке, – единственное, что не выкрашено у них темно-зеленой матовой краской. С мрачной ухмылкой замечаю, что рукояти пистолета и ножа такие удобные, что сами про-

сятя в руки, будто мечтают об их боевом применении. Ой! Кое-что забыла!

Достаю запасной магазин, вытаскиваю из него один патрон и прячу его за отворот туфли. Резина плотно прижимает его к ноге. Двигаться не мешает, снаружи не видно, а спрятан удобно для доставания и надежно – не выпадет. Последний патрон – себе! У папы была словно заповедь. Потом вспоминаю про Пыш. Нельзя забывать о боевом товарище. Или почти боевом. Но забывать все равно нельзя! Вытаскиваю еще один патрон и прячу его таким же образом, что и первый, но уже в другой ботинок. Чтобы можно было достать и правой и левой рукой в случае необходимости, вспоминаю я отцовские наставления. Теперь в запасном магазине на два патрона меньше, это надо запомнить. Хотя зачем? Экран на пистолете все равно покажет точное количество боеприпасов в нем. Нет, лучше все-таки запомнить.

– А это еще зачем? – выводит меня из раздумий голос партнера. Оказывается, Пыш все это время внимательно следила за моими манипуляциями с оружием.

– На всякий случай, – отвечаю я коротко.

– Какой случай?

Пожалуй, стоит дать компаньону более подробные объяснения. Ее осведомленность может пригодиться нам обоим.

Наш диалог прерывается, едва начавшись, из-за шума в подозрительном коридоре. Аккуратно, я – с пистолетом наготове в вытянутых руках, Пыш – с топором наперевес, идем

вперед навстречу тому или чему, что породило этот шум, в надежде встретить таких же скитальцев, как и мы. Ждать долго не приходится. На удивление аккуратно, несмотря на свои габариты, из-за поворота появляются два металлических стража. Роботы двигаются синхронно прямо на нас, с глухим стуком ставя ноги на пол. Плащи синие – значит, по нашу душу. В левых руках держат «ухваты», или как там они у них называются, в правых – те самые, странного вида, черные шары. Что же это такое?

Датчики стражей, очевидно, обнаружили нас. Лампочки ярко-красного цвета зловеще загораются на левых сторонах шлемов. Нужен предупредительный выстрел. До них метров пять. Вдруг поможет. Поднимаю пистолет вверх и стреляю. Дух! Звук выстрела усиливается небольшими размерами коридора. С потолка сыпется какая-то крошка. Я непроизвольно чуть пригибаю голову и сгибаю колени. Пыш тоже. Роботы остановились. Похоже, они в замешательстве. Никак не ожидали, что люди против них посмеют применить оружие. Однако, не утруждая себя решением этого вопроса, металлические стражи продолжают действовать. Встают на правые колени и отводят назад вытянутые правые руки, держа их над полом. Сгибают в локтевых суставах. Все, дальше ждать нельзя! Навожу точку лазерного прицела на красную лампочку того, что передо мной. Экран пистолета показывает 19. Страж остолбенел на мгновение, и этого мне достаточно. Дух! 18. Выстрел сносит половину башки железного уродца

вместе с задним ее отростком, и он с характерным грохотом падает на пол. Второй урод делает быстрый взмах рукой, и четыре черных шара, два впереди и по одному с каждого бока, стремительно катятся к Пыш. За шарами протягиваются черные веревки. Разматывающиеся клубки. У меня появляются очень неприятные подозрения относительно их назначения. Пыш, видя опасность, пытается отскочить назад, но не успевает. Мои подозрения подтверждаются, и у меня от ужаса перехватывает дух. Два клубка, приблизившись к девушке, подсакивают и связывают ей голени, два других, подсакивая еще выше, – запястья. Неспособная удержать равновесие в таком положении, с топором в руках девчонка падает на пятую точку. «Лучше так, чем головой об пол», – мелькает мысль в моей голове.

– А-а-а! – орет Пыш, а орет она громко. Уж поверьте!

Так быстро, как только могу, навожу оружие на второго противника. Дух! 17. Дух! 16. Дважды стреляю ему в грудь. Сапфирово-синяя точка лазерного прицела подрагивает на его груди. Отдача при стрельбе непривычно подбрасывает мои руки вместе с пистолетом вверх, но это волнует меня сейчас меньше всего. Боюсь промахов, но пока все выстрелы попадают в цель. Робот заваливается назад. Заряды, выпущенные с близкого расстояния в грудь, пробивают железную тушу насквозь, оставляя позади туловища на стене черные оплавленные пятна и шипящие капли горячего машинного масла. Стрельба немного оглушает меня, но и добавляет ад-

реналина. Буду делать по два выстрела. Гильзы со звоном бьются об пол. Делаю шаг вперед и два раза стреляю в голову бота, снося ее полностью. Дух! 15. Дух! 14. Экран бесстрастно выдает размер оставшегося боекомплекта. Оружие, как и прежде, вздрагивает в моих руках, но потом вновь удобно ложится в ладонь. Еще два шага вперед – и выстрелом в голову первому врагу отстреливаю ее начисто. Дух! 13.

Стреноженная союзница продолжает разрушать мои барабанные перепонки. У нее получается. Руки и ноги ее связаны так, что оставляют возможность двигаться, чем она активно пользуется, нанося молодецкие удары своим пожарным топором по веревкам клубков на полу, пытаюсь их перерубить. От этого при каждом ударе из каменной плитки пола со звоном вылетают крошки. Клубки не смогли ее обездвигнуть. Очевидно, управление ими было у бота, которого я грохнула. Страж, стоявший напротив меня, даже не успел запустить свои клубки – он был уничтожен первым. От мысли, что можно вот так валяться связанной на полу, передергивает. Надо с этими чудесами робототехники быть поосторожней. Я не представляла себе их опасность!

Все эти рассуждения вихрем проносятся в моей голове, пока я спешу к своей спутнице, уже перерубившей веревки, лежащие на полу. Вытаскиваю на ходу нож и подбегаю к не перестающей орать и биться на полу в веревках девушке, кладу на пол пистолет и перерезаю эти жуткие путы, связавшие ее руки и ноги. Она сразу перестает кричать. О счастье!

Пыш отбрасывает топор, освобождается от пут, брезгливо отшвыривая клубки, веревки и их обрезки в разные стороны. С неожиданной для нее резвостью она вскакивает и, хватая топор, бежит к напавшему на нее стражу. С дикой яростью наносит по его туловищу гулкие удары топором, сделавшие бы честь даже лесорубу. Струи машинного масла вылетают из проделанной мной дыры в груди робота и забрызгивают до пояса штаны моей союзницы, а под туловищем стража появляется масляное пятно. Но ей на все это плевать. Она продолжает оставлять глубокие вмятины в этой куче металлолома.

– Получи, козел ...! – орет Пыш и заканчивает фразу словом, которое приличной девушке произносить не положено. – Держи, сука ...! – еще одно подобное слово в конце высказывания. Ее яростная атака и последние слова реплик наводят меня на мысль, что она не такая уж и тихоня, какой мне казалась.

Поднимаю с пола пистолет и, на всякий случай продолжая держать оружие в руках, встаю на ноги.

Мне остается только молча наблюдать за происходящим. Думаю, что, судя по тому, как подействовали на роботов выстрелы из «пэгэшки» и продолжают действовать повреждения топора (у меня уже немного звенит в ушах от звуков ударов инструмента спутницы), как я и предполагала ранее, эти боты совершенно не готовы к вооруженной борьбе, умеют только хватать и наверняка убивать. Этакие ловцы и опять

же наверняка палачи – вместо бойцов. Зависит, наверное, от того, какую им дали команду люди. Понимаю, что один случай не показателен. Возможно, при следующей встрече с ними мне удастся подтвердить или опровергнуть эту мысль. Но встречи такой очень уж бы не хотелось. Убираю нож в ножны, а пистолет отряхиваю от влаги освободившейся от рукояти ножа ладонью и продолжаю держать в руке.

Намахавшись топором вдоволь и успокоившись, отважная боевая Пыш переводит дух, выставляет вперед нижнюю губу, сдувает со своего вспотевшего от усердных физических занятий лба несколько налипших волос и поворачивается ко мне.

– А почему они не применили электричество или что-нибудь такое? – спрашивает она совершенно спокойным голосом.

Беру свободной рукой прядь своих мокрых волос, сжимаю так, что с них начинает капать оставшаяся вода, все-таки выжать мы смогли не всю, и показываю ей.

– Влага, – объясняю я. – Здесь повсюду вода после работы системы пожаротушения.

– А-а-а, – говорит она растянуто. И я получаю от нее совершенно неожиданный и поэтому особенно приятный комплимент: – Ты умная!

– Да? – удивляюсь я. Здорово! Хорошо, что оценила. – Благодарю. Ты тоже!

– Спасибо, что помогла, – благодарит моя спутница.

– Не за что, – отвечаю я. Не люблю благодарственных речей.

– Как это не за что, когда есть за что! – не соглашается партнер.

– На здоровье! – говорю я. Этот разговор начинает меня напрягать.

Партнер тем временем кладет со звоном топор на пол и, вцепившись обеими руками, пытается выдернуть ухваты из все еще сжимающих их рук роботов. Но то ли у мертвых роботов мертвая хватка, то ли они как-то особенно прикреплены, но усилия отважной боевой Пыш тщетны. Мне надо-едаёт на это смотреть.

– Хорош, – говорю я. – Идем, пока другие не подошли.

Девушка делает еще пару рывков и оставляет свою за-тею. Веревки клубков, торчащие из правой ладони одного из стражей, как и сами клубки другого, она не трогает. Это правильно. Пыш отходит от поверженных врагов, поднимает топор, и мы направляемся туда, откуда пришли. На повороте ближе к углу замечаю парящую в воздухе под потолком тарелку размером с чайное блюдце, с прикрепленной снизу телекамерой и конической антенной микрофона с прозрачной тарелочкой на толстом конце. Все остальные части аппарата темно-серого цвета. Все понятно. Гравикам. Телевизионная камера с микрофоном направленного действия в гравитационном подвесе и радиопередатчиком. Такие охраняют «Гро-тель», и о них, разумеется, знает все население Платонина,

да и всего Платонинского района наверняка тоже. Она не летает так быстро, как гравилет, а медленно плывет в воздухе, зато сколько угодно долго, питаюсь электроэнергией от солнечных батарей, а в темноте от встроенного в нее аккумулятора. «Вылетела, наверное, из какого-нибудь тайного хранилища, чтобы осмотреть окрестности, поскольку все открытые и скрытые стационарные телекамеры и микрофоны всех видов, вероятно, вышли из строя из-за аварии», – быстро соображаю я.

Не люблю, когда подсматривают и подслушивают! Подхожу ближе, поднимаю пистолет, и – дух! – нет больше противной камеры. Только осколки разлетелись и, отскакивая от потолка, окна и стен, со звоном упали на пол.

– Супер! – слышу одобрение Пыш.

12 – показывает экран оружия. Стоит побережь патроны. Ставлю пистолет на предохранитель – экран гаснет – и убираю пушку в кобуру.

Заходим за поворот, откуда сюда и пришли. Пыш лихо закидывает топор на левое плечо обухом вперед-вверх и, держа рукоять обеими руками, кивая головой назад, говорит фразу, которая меня просто срубает:

– Как мы их сделали!

«Да уж! Ты-то больше меня сделала! Аж вспотела вся! Да если бы не я, тебя давно бы уже спеленали и утащили бы туда, куда даже думать не хочется!» – вот что я об этом думаю, но вслух ничего не говорю. Не хочу ссориться из-за такой

ерунды. Пусть считает себя великой победительницей и героиней, если хочет.

Мы доходим до лестничной площадки, которая, как и сама лестница, лишена окон, и кладем руки на пластиковые перила. Они сухие. Значит, здесь система пожаротушения не работала? Странно! Перегибаемся через перила и смотрим в тускло освещенную аварийными лампами неизвестность.

Глава 9

Полумрак лестницы уходит вниз и продолжает хранить тайну. Шум не прекращается, но мы к нему уже привыкли. Где-то что-то трещит, льется вода, отдаленные и приглушенные многочисленными дверями, стенами и перекрытиями крики и даже, как мне кажется, выстрелы и хлопки. Может быть, это взрывы? Стараемся не обращать на все это внимания, но получается с трудом.

Лестница имеет в середине квадратный колодец, в центре которого здоровенная, опять же квадратная колонна. Здесь все отделано камнем – потолок, колонна, лестница и стены. Цвет камня трудно понять при таком освещении. Между колонной и лестницей расстояние метра два, и оно закрыто блестящей в тусклом свете аварийки металлической сеткой, натянутой на специальных прутьях. Да... Здесь захочешь – не разобьешься! Колонна увешана с тех трех сторон, что мы видим, огромными, метра полтора на два, телевизионными

экранами. Они очень современные, толщиной с монету, их можно сворачивать и складывать как скатерть. Дорогушие! Такой я только раз видела в кабинете директора школы. Не то что наш домашний старенький телик. Над тем, что напротив нас, большая, светящаяся слабым рубиновым светом цифра 9. Всего этого мы не видели, поскольку нас везли сюда на лифте, расположенном в другой части здания, которая, как нам кажется, подверглась серьезному разрушению, осталась без электрического освещения, и идти туда нельзя.

Оглядываемся вокруг и видим двери лифтов – по одной паре от каждой из сторон коридора, приведшего нас сюда. Перед ними обычные коврики, а никакая не светомозаика. Оказывается, лифты есть и здесь. Это хорошо. Возможно, нам удастся отсюда выбраться. На полу коридора обнаруживаем темные следы, заканчивающиеся под ногами Пыш. «Молодец!» – думаю я. – Ты все-таки вляпалась и запачкала подошвы обуви маслом поверженного врага». Но вслух снова ничего не говорю.

Обнаружив свою оплошность, компаньон бросается к коврику перед ближайшим к ней лифтом – тем, что слева от меня, и начинает тщательно вытирать подошвы. Я тем временем подхожу к другому лифту и проверяю его работоспособность: нажимаю поочередно и одновременно кнопки вызова вверх и вниз. Ничего. Номера этажей на черном экране над лифтом также не горят. Пыш поочередно ставит то одну, то другую ногу на пол перед ковриком лифта – проверяет, нет

ли следов. Вроде нет. Очистившая ноги спутница так же, как и я, проверяет лифт напротив нее. Результат тот же самый. Ясно, что лифты обесточены.

Оценив обстановку и взвесив все возможные варианты действий, убеждаюсь, что идти надо вниз. Во-первых, выход все-таки внизу, и даже если двери перекрыты, можно просто выбить окно и выпрыгнуть на землю, а на крышу так просто не попадешь, и даже если мы найдем способ оттуда улететь, двери на крышу наверняка заблокированы, как и лифты. Во-вторых, меня вдруг начала беспокоить опасность обрушения здания, а с первого этажа выбраться все же легче, чем из-под крыши или даже с нее самой, если нет возможности опять же улететь. Например, через то же разбитое окно или какой-нибудь пролом в стене. Все это я озвучиваю Пыш. Она раздумывает и заявляет:

– На крышу было бы интересно. Это круто!

– У тебя есть под рукой гравилет с пилотом и ты сможешь улететь на нем, отключив Пирамиду? – интересуюсь я. Собеседница молчит. Приходится разьяснять: – На крышу пойдём, когда будет возможность оттуда сбежать.

– Все равно на крышу – это круто, – не унимается партнер.

Так. Мне это надоело. Ей, похоже, просто хочется на крышу. Нашла время для развлечений.

– Слушай, я иду вниз, не хочешь – как хочешь, хочешь – догоняй, – как можно спокойнее и вежливее говорю я. Не люблю конфликтов.

– Ладно, пошли, – отвечает она. О, какое счастье! Ее сительство Пыш снизошла до согласия со мной. Тоже мне, принцесса.

Медленно спускаемся вниз по лестнице: я впереди, с ручкой на рукояти пистолета, лежащего в кобуре, прямо как в кино, за мной, стараясь не отставать, с верным пожарным топором на изготовку Пыш – победитель роботов.

На ходу размышляю о произошедшем. Что за взрывы? Что случилось? Что с электричеством? Где все люди? Что происходит снаружи? Кто убил или что убило и зачем «тушку», не забрав ни оружия, ни специальных средств, ни рации, и куда потом этот кто делся или что делось, не тронув Пыш? Включенная Пирамида – ну это как раз понятно. Что знают о произошедшем и предпринимают власти за Пирамидой? Как это все скажется на существовании всех выживших в «Нектаре» и его самого? Нас здесь всех не разбомбят? Нет, вряд ли. Клиенты и их родственники – богатые и влиятельные люди. Если нами, скилпами, можно пожертвовать, ну, может быть, еще даже персоналом, то клиентурой и ее родней – никогда в жизни. Тогда начнется самый настоящий бунт прямо в столице перед Дворцом созидания, где живет и работает наш премьер. Эти мысли бьют по моему мозгу как маленькие молоточки, каждый раз говоря: «Думай! Думай! Думай!»

Выходим на лестничную площадку. По виду – точно такая же, как этажом выше. На колонне такие же выключен-

ные экраны и светящаяся таким же слабым рубиновым светом цифра. Все как и этажом выше, только цифра 8 – номер этажа. Такие же двери лифтов с негорящими кнопками по бокам входа в коридор и такой же коридор с окном справа в конце. Первым делом проверяем лифты. Результат тот же, что и при предыдущей подобной проверке: лифты мертвые.

Собираемся спускаться и дальше, но не тут-то было! Стоит нам приблизиться к лестнице, ведущей вниз, как из потолка над ней вырываются и преграждают нам дорогу десятки тончайших лучей лазеров бледно-белого цвета, тонких-тонких, тоньше, наверное, человеческого волоса. Все происходит совершенно бесшумно, нет даже никакого предупредительного звукового сигнала! А ведь не помешал бы! «Холодок по коже», как пишут в книгах, это все пустяки. Меня просто буквально обливают ледяной водой с головы до ног, а сердце начинает учащенно биться. Отверстия излучателей в потолке остаются неподвижными, а сами лучи резво движутся, создавая при этом в совокупности с аварийкой совершенно феерическое освещение, и выписывают бесчисленные восьмерки на полу, перилах и сетке колодца или знаки бесконечности. Это как посмотреть. Робко делаю шаг вперед, и они ускоряют движения. Мы замираем на своих местах.

«Понятно, – думаю я. – Блуждающие лазерные лучи». Новый способ обороны объектов. Мне про них дед рассказывал. Никаких следов ожогов на поверхностях обороняемого

или охраняемого, как угодно, ими объекта, на которые попадают, они не оставляют, температура каждого луча около них теряется, остается лишь безвредный свет, но зато выше от этих поверхностей они способны запросто разрезать пополам человека со всем вооружением и снаряжением, которое он только сможет нести на себе, даже в бронежилете и шлеме самой высокой степени защиты. Легко! Просто на раз!

Их лучи везде: на лестничном марше вниз перед нами, а также, как я вижу отсюда, на горизонтальном пролете за ним, частично скрытом от нас колонной с экранами, том, что ниже лестничной площадки, на которой мы находимся, и следующем, в свою очередь, за ним лестничным маршем вниз. Дальше мне не видно. Пыш, я думаю, тоже. Включились, наверное, когда наше присутствие обнаружил какой-нибудь скрытый в стене или в потолке датчик движения. А перемещения лазерных лучей ускорились, должно быть, потому, что вновь поступил сигнал от этого самого датчика. Возможные нарушители защищаемого этими боевыми средствами объекта, то есть мы, подошли слишком близко. Значит, не все еще разрушено аварией, далеко не все. Где-то, вероятно, работает какая-нибудь резервная станция добычи электроэнергии, о существовании которой, естественно, не говорили в передачах про «Нектар» по телику. А поэтому нечего и думать о том, чтобы здесь пройти вниз. Пустая трата времени. Эти жуткие штуковины мгновенно превратят нас в под-

горевший мясной фарш, который я не раз видала в нашей школьной столовой. Расстрелять их из пистолета нереально. У меня нет столько патронов, да и где гарантия, что после уничтожения одного не начнет работать другой излучатель, расположенный поблизости от ранее ликвидированного собрата и скрытый от нас сейчас?

Все это я озвучиваю Пыш и предлагаю ей идти по этому, восьмому, этажу. Боевая подруга (думаю, что уже могу так ее называть) соглашается, но очень хочет проверить один из этих лазеров в действии и подносит к нему слегка дрожащими руками краешек рубящей кромки своего пожарно-боевого топора. Лазерные лучи ускоряют свои движения еще больше.

Пш-ш-шуть! С шипением луч лазера срезает сталепластик ее гаджета. Бзыньк! Со звоном падает на пол ближайшей ступеньки вниз маленький отрезанный кусочек размером с мелкую монету.

– Ни фига се! – вырывается у владелицы поврежденного, но все еще грозного пожарно-боевого топора потрясенный возглас, и она взмахивает несколько раз своим инструментом – вероятно, чтобы охладить раскаленный после воздействия луча лазера срез на нем. Я в ужасе останавливаю ее рукой. А вдруг эта охранная система воспримет ее движения как угрозу, ради устранения которой возьмет да и полоснет нас лазерным лучом?! Сразу обеих – и пополам! Было два живых скилпа, а станет четыре мертвых. Кто же знает, что у

нее на уме? Приятно только то, что в этом случае наши тела уж точно никому не достанутся. Слабое утешение, однако хоть чуть-чуть, а все-таки греет душу. Но, к счастью, ничего подобного не происходит. Лазеры, наоборот, немножко замедляют свои перемещения. Похоже, я была права в своих предположениях о схеме работы этих хитроумных приборов и устройств. Пыш вопросительно смотрит на меня, а я объясняю ей причину своих действий. Спутница молча понимающе кивает головой и, прекратив махать, осторожно опускает топор и замирает в таком положении с ним в руках.

– А я тебя предупреждала, – говорю я ей после этого опыта. – Здесь вниз мы не пройдем, – добавляю и киваю головой в сторону этой сложной и изощренной защиты лестницы. – Идем лучше через этот этаж, – предлагаю в завершение ее эксперимента.

– Идем, – соглашается она со мной. И мы направляемся к входу, между лифтами, в коридор. Стоит только нам это сделать, как все лазеры немедленно выключаются, и тоже без всякого звукового сигнала. Опять же совсем не лишнего, на мой взгляд, в данном случае. Так же неожиданно, как и зажглись, они гаснут. Наверное, снова сработал датчик и отключил лазеры из-за исчезновения угрозы нашего движения по охраняемой всеми ими лестнице вниз. Зачем зря электроэнергию тратить? Делюсь своими предположениями со спутницей, а она в ответ лишь молча кивает головой.

«Интересно, а какой толщины лазерные лучи в Пирами-

де?» – задумываюсь я. Быстро прихожу к выводу о том, что нечего сейчас размышлять на эту тему. Есть проблемы и поважнее. Куда важнее!

Только что, вот несколько секунд назад, я была буквально на волосок от гибели. Или, правильнее будет сказать в этой ситуации, на толщину лазерного луча. Не к интеллектуальной гибели путем замещения сознания и не к скручиванию жутковатого вида роботами со, скорее всего, последующей за этим все той же интеллектуальной гибелью, а к самой настоящей физической гибели. Впервые в жизни! Вот теперь по коже пробегает мороз! Не знаю, как там у Пыщ, спрашивать об этом как-то стремно, но у меня так сто процентов! Несколько минут назад ей было стремно, а вот теперь мне, но уже совсем по другому поводу.

Продолжаем продвижение по восьмому этажу. Расположение коридоров в этой части здания такое же, как и на нашем этаже. Шум не стих, но как-то отодвинулся назад, потесненный чувством тревоги. Входим в коридор, идущий от лестничной площадки, куда мы спустились по лестнице, осторожно идем по нему и подходим к повороту в еще один коридор, аналогичный по расположению и виду тому, в котором находились выделенные нам комнаты на девятом этаже, с которого мы пришли сюда. И такой же т-образный перекресток.

Аккуратно заглядывая за угол, обнаруживаем очень необычное явление: метрах в десяти от нас под потолком и

над полом две маленькие грозовые тучи соответствующего мрачно-серого цвета, а между ними то сверху вниз, то снизу вверх с сухим потрескиванием бьют молнии. Грома не слышно, но и без него зрелище завораживающее. За тучами просматривается пустой, затронутый разрушениями коридор, но освещенный, в отличие от коридора этажом выше, не аварийкой, а обычными лампами рабочего света. Делаем шаг вбок и видим, как обе тучи одновременно приближаются к нам по коридору примерно на метр и останавливаются. Все это происходит совершенно бесшумно, если не считать треска электрических разрядов. «Значит, и мое предположение относительно некоей резервной станции тоже находит свое подтверждение, как и с алгоритмом работы защитной системы из невидимого датчика и очень даже видимых лазеров на только что оставленной нами лестнице, – думаю я. – А вот что это за штуkenция, я ума не приложу, лучше даже не приближаться к этому прикамбасу – и уж точно в него не стрелять и не кидать ничем, мало ли что!»

– Ниче се! – слышу удивленно-восхищенный возглас Пыш и мысленно к ней присоединяюсь. Да... Такое не каждый день увидишь!

Мы отходим чуть назад и аккуратненько, на цыпочках идем дальше, в другую от этого коридора сторону. Кажется, тучи понимают, если такое слово вообще к ним применимо, наши миролюбивые намерения и висят в воздухе не двигаясь. Зайдя за угол и сделав пару шагов вперед, как по коман-

де, не сговариваясь, оглядываемся назад и видим, что тучи остались в том коридоре, который мы несколько секунд назад счастливо миновали. С облегчением перевожу дух. Теперь дальше можно идти не на цыпочках, а по-нормальному, и я встаю полностью на ступни. Спутница, вижу, делает то же самое. Проходим мимо окна, но уже не любимся видом включенной Пирамиды, а устремляемся в такой же коридор, как тот, где мы расправились с роботами этажом выше, с таким же аварийным освещением. Но то, что они были там, наверху, еще не значит, что они есть здесь. Надеюсь, их нет. И еще я надеюсь, что это самый короткий и безопасный путь из этого здания. Идти через десятый и более верхние этажи и искать путь отсюда через них очень бы не хотелось. Хотя бы потому, что это займет больше времени, а нам сейчас каждая минута дорога, пока в этом сооружении еще что-нибудь не взорвалось, не загорелось и не задымилось.

Подходя к повороту направо, чую какой-то знакомый неприятный запах. Оглядываюсь на Пыщ, которая шевелит своим мясистым носярой. Это было бы просто очаровательно в другой ситуации. Но именно что в другой, а никак не сейчас. Судя по молчаливым взглядам, которыми мы обмениваемся, она чует то же самое. Поворачиваем за угол и видим короткий, метра три длиной, коридор со стеной в конце, к которой прислонена выбитая, наклоненная набок, держащаяся на одной лишь нижней петле дверь светлого, как и весь этот коридор, цвета, закрывавшая проем слева. Здесь

уже нет света ламп, ставшего нам уже привычным, аварийного освещения, как в коридоре, который мы только что миновали, нет и обычного рабочего, как в коридоре с тучами. Из проема идет необычно яркий и от этого немного насто-раживающий свет – должно быть, какой-то необычной авар-ийки. Запах усиливается. Приближаемся к проему и осто-рожно заглядываем в него.

Перед нами кошмар.

Аварийные лампы, которые в этом зале намного мощнее любых из тех, что мы уже видели где бы то ни было еще в «Нектаре», позволяют различать ужасные детали этой чудо-вищной картины. Я сразу понимаю, что это за источник зна-комого запаха: кровь. Здесь ее много. На полу, на стенах и даже капли на потолке. Мертвые тела повсюду. На первый взгляд не меньше двух десятков. Везде перевернутая и раз-битая мебель и медицинская аппаратура. На чудом уцелев-шей тумбочке слева у стены лежит в лужице крови белая форменная перчатка рядом с трубкой радиотелефона. Брезг-ливо отворачиваюсь.

– Ой, мамочки! – в ужасе бормочет рядом спутница.

Тела погибших лежат в причудливых позах вперемешку с обломками мебели, оборудования и штукатурки со стен и с потолка. Они как будто пытались в последние секунды жиз-ни защититься руками и предметами от чего-то. Или кого-то. Бездыханные тела исполосованы страшными рассечениями с ожогами по краям, а края одежды в местах ранений обуг-

лены около дыр. Наших, скилпов, не видно. Зато здесь есть все: врачи, стажеры, санитары, техники, «тушки» и, конечно же, клиенты. Да, настораживающее предчувствие, вызванное необычным светом из проема с выбитой дверью, увиденным мной там, в маленьком коридоре, меня не обмануло! Жуть!

Одно из тел погибших оказывается мне хорошо знакомо: вот она – Нина Антоновна. Уже переодевшаяся в светлый халат с темной эмблемой «Нектара» на левой стороне груди. Сразу узнаю ее физиономию, несмотря на застывшую гримасу ужаса. Жалости нет никакой. Получила то, что заслужила. Пришла забрать мою жизнь, а в итоге отдала свою. Только теперь замечаю, как-то не было желания вглядываться, что у всех погибших застыли на лицах такие же гримасы ужаса, как и у нее, и все они буквально перекошены. Так вам и надо, мрази!

Начинаю невольно испытывать благодарность и восхищение к этой неизвестной, но могучей и беспощадной силе, совершившей такое. Даже если она потом убьет и меня саму. За это и умереть не жалко! И меня наполняет далеко не самое лучшее, но такое естественное в этой ситуации чувство злорадства. Хотя мне оно совсем не свойственно.

Оглядываюсь по сторонам. Помещение представляет собой зал размером с актовый в нашей школе, искривленный как знак скобки – «(», у которого выпуклая сторона покрыта новейшими экранами, такими же, как и на колонне на лест-

нице, только совершенно разбитыми. Перпендикулярно этой стене, горизонтально над полом, на уровне моего живота, лежат попарно на прикрученных к полу стойках штуконины, похожие на гробы или огромные школьные пеналы с открытыми крышками. Внутри они светлого цвета, с маленькими темными присосками. Снаружи одни темного цвета со светлыми полосами, а другие, наоборот, светлые с темными полосами. Между собой и со стеной они соединены также темного цвета проводами. Насчитала восемь пар – всего шестнадцать странных устройств.

До меня доходит, что это те самые установки комплексов ОЗС, о которых всей стране говорили по телевидению. Светлые, насколько я помню из передачи, для новых тел, для наших то есть, а темные, соответственно, для старых, для заказчиков, а экраны, очевидно, отображают в мельчайших деталях весь процесс операции замещения сознания. Рядом с ними лежат разбитые компьютеры, кресла и еще какие-то приборы. Помещение, вероятно, одна из лабораторий.

От такого открытия по коже пробегает неприятный холодок. Так вот где все происходит! Все установки пустые – значит, туда еще никого не успели загрузить, поскольку медосмотр нас, очередной порции скилпов, только закончился, а подготовка к проведению и само проведение ОЗС занимает, как нам всем говорили в тех же телепередачах, не менее часа. Но это сущие пустяки по сравнению с кучей мертвых тел и луж крови кругом. Запах ее здесь намного сильнее, чем

в коридоре. Замечаю, что моя правая рука до боли в суставах сжимает рукоять пистолета, а большой палец готов в любой момент опустить вниз флажок предохранителя. В то время как левая тыльной стороной ладони прикрывает рот и нос. Пора убраться из этого кровавого смрада.

– Пошли отсюда, Кристин! – слышу дрожащий голос отважной Пыш, но прекрасно понимаю, что во мне самой сейчас вряд ли больше отваги, чем в ней, и мне становится немного стыдно, а она добавляет: – Пошли скорей!

– Идем, идем! – говорю я, указывая на дверной проем, противоположный тому, откуда мы пришли. Успеваю заметить, что там тоже выбита дверь.

– Да-да! – подтверждает спутница. Идти обратно у нас обоих никакого желания нет.

Осторожно перебираюсь через груды тел и обломков, стараясь не вглядываться в подробности окружающего, лишь внимательно смотрю под ноги и чувствую, как мой мозг работает с мозгом Пыш, идущей следом, как единое целое, выдающее всего одну, но очень продуктивную мысль: быстрее, быстрее, быстрее отсюда! Однако когда я передвигаюсь через упавшие с потолка куски штукатурки и чувствую голыми пятками через тонкие резиновые подошвы каждый камешек, мне в голову приходит светлая идея улучшить обувь, и я, кажется, знаю как.

Нахожу взглядом мертвое тело ближайшего «тушки» – их здесь целых три. Эти без оружия и специальных средств, за-

то в белых перчатках, ремнях, аксельбантах и беретах с такими же белыми кокардами в виде герба Е-Кона и закрепленными с левых боков красивыми изумрудно-зелеными перьями. Эти детали формы «тушек» я знаю из передач по телевизору, потому что при таком освещении, как здесь, понять их цвет невозможно. Раз перья – значит, офицеры. Это уже я вспоминаю отцовские рассказы о военной форме и воинских знаках различия. Очевидно, вырядились для клиентов. Остальная форма и, самое главное, обувь та же, что и у других его коллег, которых я здесь видела. Встаю на одно колено перед покойником. Точно – лейтенантские погоны. Осматриваю соседние бездыханные тела этих головорезов. То же самое.

Второй раз за сегодняшний день сжимаю губы, стискиваю зубы. С характерным треском расстегиваю липучки ботинок «тушки» и стаскиваю их с мертвеца. Пусть Пыш думает обо мне все что угодно, но обувь сейчас важнее любых приличий, а покойникам она уже не нужна. В моих легких туфлях с тонкими прорезиненными подошвами по битым камням и стеклу долго не проходишь. Это я знаю из собственного опыта, когда лет пять назад лазила с ребятами по развалинам снесенного дома в соседнем дворе в очень похожих туфлях, которые от этого быстро испортились. Меня за это потом сильно отругали дома.

Совсем другое дело военная обувь. Она очень надежная и стойкая к изнашиванию. Размеры ног «тушки», взрослого

крупного мужчины, намного больше моего, и я надеваю его спецназовские ботинки прямо поверх своих туфель и крепко застегиваю липучки. Получились, как ни странно, очень подходящие мне по ноге.

– Ты чего делаешь? Зачем? Они же мертвые! – слышу за спиной взволнованный осуждающий голос спутницы. Ох, какие мы правильные! А как сама прикарманила газовый баллончик?

– И тебе советую. Им они уже ни к чему, – жестко, но при этом вежливо отвечаю я и киваю головой в сторону двух других обутых военных мертвых тел.

– Не... Я не буду! Ни за что! С мертвецов! Никогда! – возмущенно-негодующе говорит Пыш – так, как будто я ее заставляю. Да не хочешь – не надо! Никогда не была я навязчивой.

– Дело твое, – произношу я, но уже мягче.

Встаю и собираюсь идти, но тут же будто прирастаю к полу.

«Мне больно!» – прямо в моей голове раздается голос-стон. Не мужской, не женский, не молодой, не старый, вообще не человеческий, а голос некоего оно без возраста и пола. Ощущение такое, как будто меня окунули в прорубь в лютый мороз.

– Ах! – вскрикивает спутница, роняет и ловит на лету топор. Судя по всему, она слышит то же самое, что и я.

Медленно оглядываюсь вокруг и не обнаруживаю ни од-

ной живой души, кроме нас.

«Мне больно!» – снова раздается голос.

– Мама, – в ужасе произносит Пыш и добавляет жалобно: – Бежим!

Вынуждена с ней согласиться, а то больно будет уже, вероятно, нам. Мы устремляемся к заранее намеченному выходу так быстро, как нам позволяют лежащие на полу препятствия.

Выбегаем в полутемный маленький коридорчик, подобный тому, через который мы пришли в лабораторию, и, пробегая еще несколько метров, выскакиваем за ближайший поворот и оказываемся в куда большем коридоре, чем оставшийся за нашими спинами маленький. Останавливаемся. Переводим дух. Вроде голоса больше нет. Фу-у-ух! Глядим друг другу в зрачки, а кажется, что проникаем прямо в мозги, и молча договариваемся больше туда не ходить.

– Что это было? – спрашивает меня спутница с расширенными от ужаса глазами.

– Понятия не имею! – предельно честно отвечаю я.

Оглядываем коридор. Он раза в два шире любого из предыдущих. Никого. Ни живых, ни мертвых. Уже хорошо. То же освещение аварийных ламп, но здесь к нему добавляется свет из трех окон в левой стене. Впереди дверь с мордой львицы. Ура! Женский туалет! И как вовремя! Перед ним коридор поворачивает направо. Вспоминаю из передач по телику, что все обозначения на дверях помещений, предна-

значенных в том числе и для посетителей, в «Нектаре» сделаны из бронзы. Душевые и туалеты там, естественно, не показывали, но не думаю, что для них сделали исключения. По полу коридора среди луж и разбитого стекла разбросаны какие-то то ли картины, то ли фотографии, то ли портреты – не знаю, лежат изображением вниз. Мы их обходим и идем вдоль стены с окнами.

Я снова впереди. Делаю шаг к одному из них, смотрю в него и замираю от странного и немного пугающего ощущения. На миг мне кажется, что вид из этого окна совершенно тот же самый, что и из того, через которое мы любовались видом включенной Пирамиды, – правда, слово «любовались», вполне актуальное на тот момент, кажется мне сейчас почему-то вообще не уместным. Но ведь из двух разных окон, расположенных в различных частях здания, один и тот же вид быть не может. Это невозможно!

– Мне показалось, – с ноткой страха в голосе шепчет, дыша мне прямо в ухо, Пыщ, – что вид такой же, как и там, – указывает топором вверх, – в том окне, ну там, наверху!

– Ага, – киваю я в ответ головой. – Мне тоже.

– Да нет, все-таки вид другой, – произносит спутница.

Мысленно соглашаюсь с ней. Хотя лучи лазеров, как и там, заволаживают. Успеваю отметить, что, судя по положению солнца, сейчас, наверное, вторая половина дня, часа три. Мы с дедом так иногда развлекаемся, угадывая время без часов.

Довольно! Мысли о доме сейчас просто ранят душу, так хочется туда вернуться, особенно живой и здоровой.

Идем вперед и, дойдя до поворота, заглядываем за угол. В тусклом освещении видим метрах в пяти от нас большую двухстворчатую дверь, отделанную деревом и полированным металлом по краям, с такими же полированными металлическими ручками. Таковую здесь вижу впервые, поэтому детали и бросаются в глаза. Парой метров правее двери в женский туалет находится, с мордой льва с пушистой гривой, соответственно, дверь в мужской. Мы не заметили ее за углом, когда оказались в этом коридоре.

Прямо перед нами в полуметре над полом висит поврежденный, перекошенный гравикам, которому Пыш не раздумывая отвешивает хороший пинок, сопровождаемый глухим звуком удара, отчего тот подлетает вверх, улетает метра на три и падает на пол с металлическим звоном и скрежетом, не предпринимая больше попыток подняться.

– Не люблю, когда подсматривают и подслушивают! – озвучивает компаньон мою недавнюю мысль. Похоже, она снимает таким образом психологическое напряжение после увиденного в лаборатории. Девчонка кивает головой на двери туалетов и выпаливает: – Системы пожаротушения в туалетах нет – гореть практически нечему, кроме бумажных полотенец и туалетной бумаги, которые можно потушить имеющейся в кранах водой. Даже двери из негорючего пластика, их мой отец делает.

Получив такой объем информации, убеждаюсь в правоте своего предположения о снятии спутницей психологического напряжения.

Наконец-то добираемся до женского туалета. Здесь тоже аварийное освещение, но ярче, чем на том этаже, откуда мы пришли. Пол сухой, значит, правду сказала Пыш об отсутствии системы пожаротушения в туалетах. Мы одни. За стеной, в мужском туалете, тишина. Вероятно, там тоже никого нет. Эта гипотеза придает надежду, что нас никто не будет беспокоить.

Из четырех унитазов и четырех умывальников выбираем два дальних от входа, что для нас вполне достаточно – они функционируют, остальные не проверяем, потому что нам без надобности, а приятный хвойный аромат освежителя воздуха и душистое жидкое мыло приводят нас просто в восторг, довершает же картину ВИП-сортира красивая темно-коричневая плитка с узорами разных оттенков, которой здесь отделано все, и, похоже, позолоченные смесители. Это я предполагаю в свете здешней аварийки, потому что окон в туалете нет.

Только сейчас, стоя над раковиной и глядя, как струя из крана уносит в сливное отверстие грязную теплую мыльную воду, понимаю, насколько же я устала. Как же мне хочется, чтобы все мои страдания и боль вот так же утекли в это сливное отверстие. Сегодняшний день, пожалуй, один из самых напряженных в моей жизни. И уж точно самый кровавый.

– Давай отдохнем! – спутница говорит то, о чем я думаю.

– Давай! – соглашаюсь я, выключая воду. – Но сначала зайдем оборону.

Вытираемся очень приятными на ощупь бумажными полотенцами и, выкинув их в блестящий мусорный бак с крышкой, управляемой педалью внизу этого самого бака, приступаем. Главный инструмент здесь – пожарно-боевой топор Пыш. Ставим его в распор, на высоте примерно верхних поверхностей раковин над полом, между открывающейся внутрь дверью в закрытом положении и стеной закрывающейся кабинки перед входом.

Дергаем дверь несколько раз, но она не шевелится. Спасибо его, топора, длиннющему топорщику. На гладко отполированной и покрытой лаком поверхности явно дорогого дерева темного цвета остается глубокий разруб. Плевать! Все, топор встал намертво.

И вот тут усталость наваливается в полную силу. Не стовариваясь, молча укладываемся спать прямо у дальней стены, свернувшись в позы эмбрионов. Аварийка нам совсем не мешает. Головами к стене, на которой зеркала и раковины, ногами к кабинкам. Перед Пыш, в нескольких шагах от нее, стена с заблокированной нами дверью из туалета. В шаге от моей спины глухая стена. Лежу, подложив руки под голову. Пистолет в кобуре, как ни странно, ничуть не мешает лежать на правом боку. Сестра по несчастью тоже улеглась на правый бок – передо мной ее затылок. Два мокрых, грязных,

теплых эмбриона на сухом, чистом, холодном полу.

За ногами чувствую что-то плохое и смотрю туда. У кабинки передо мной нет двери, а внутри нет унитаза. Это еще что такое? Меня туда как будто засасывает. Из темноты вылезают несколько пар мраморно-белых рук и пытаются меня схватить. Скорее отворачиваюсь и вижу над своей головой ближайшую раковину, которая, как я почему-то уверена, стоит на гибкой ножке и вот-вот собирается ударить меня как молот и убить. И просыпаюсь. Рядом со мной что-то лохматое, липкое и теплое. Поворачиваюсь направо и вижу огромную черную голову собаки, которая уже дышит мне в подбородок, глаза смотрят в мои, а язык, по-моему, пытается облизать мое лицо. И как это собака умудрилась незаметно подкрасться так близко ко мне?

И я просыпаюсь окончательно. Оглядываюсь вокруг. Все по-прежнему. Ничего не изменилось. Дверь кабинки на месте, унитаз, нижнюю часть которого вижу в щель между дверью и полом, тоже, да и раковина выглядит вполне себе миролюбиво. Рядом со мной никакая не мохнатая собака, а сладко спящая Пыш, повернувшаяся на левый бок, ко мне лицом, и сопевшая, по всей видимости, в мой подбородок, пока я не подняла голову. «Э-э-э, подруга, – мысленно произношу я, – давай-ка обратно. У нас пока не такие близкие отношения». Аккуратно, но настойчиво переворачиваю ее на другой бок. Она, недовольно урча, поддается и укладывается в прежнюю позу, спиной ко мне, даже не проснувшись.

Ложусь обратно в начальное положение, и мне сразу вспоминается кошмар. У-у-ух. И приснится же такое! Но мой разум, к счастью, умеет переключаться на что-то хорошее.

Вспоминаю Дэна. Красивое лицо стоит передо мной. А глаза темно-синие и глубокие, как два лесных озера из детской сказки. В них можно просто утонуть... И будто в подтверждение этого тяжелая, теплая и даже приятная волна усталости накрывает меня с головой.

Все. Теперь я наконец-то засыпаю без сновидений.

Глава 10

Просыпаюсь от шума воды.

– Привет! Просыпайся, нас ждут великие дела! – говорит Пыш, умываясь, и с улыбкой смотрит на меня.

«Ух ты! Тебя потянуло на высокий слог! И это после всего того, в чем нам пришлось участвовать и чему мы стали невольными свидетелями! А может, это просто способ успокоиться и действовать разумно?»

– Привет! – отвечаю я. – И в чем же их величие?

– В том, – довольно фыркая от воды, произносит компаньон, – что мы, надеюсь, наконец-то выберемся отсюда!

Спутница замолкает, радуясь утренним водным процедурам.

Но она права, я выспалась, и нам пора начинать вновь действовать по-нашему же плану. Встаю, умываюсь, как и

Пыш, мы вместе обливаем указательные пальцы правых рук жидким мылом и чистим зубы. Теперь я ощущаю значение зубных щеток и зубных паст для человеческой цивилизации. Оно бесценно. Понимаю и девушку, наслаждающуюся теплой водой. Это здорово. Кажется, даже ужас пережитого немного померк.

– Мне такая ерунда снилась, – встречаясь со мной взглядом в отражениях в зеркале, говорит Пыш. – Будто мы стали собаками, короче, бегали здесь, а потом на меня напала какая-то стая, а ты бегала, не замечая, как я зову на помощь, а я убежала от них и чувствовала, что после меня они нападут на тебя, если мы не убежим от них вместе, и пыталась тебя предупредить, но ты не послушала меня и передними лапами перевернула на другой бок. Потом все стемнело, затем после всего этого я вообще проснулась, а ты еще спала. Вот, – выпаливает она на одном дыхании.

Остолбенеv уже во второй раз с момента моего приезда в «Нектар», прирастаю к полу и, повернувшись к девчонке, рассказываю свой сон. После рассказа, похоже, столбенеет и она. Мы несколько секунд смотрим друг на друга, уже не через зеркало, а напрямую, глаза в глаза. Договариваемся обсудить это после.

Некоторое время еще обдумываю наши сны. Я не суеверна, но здесь, в этом ужасном месте, все кажется иначе, чем в обычной жизни. Вдруг замираю, насторожившись. Ничего не слышно. Ни криков, ни взрывов, ни выстрелов, ни при-

зывать о помощи. Странно. Даже очень. Делюсь мыслями со спутницей. Оказывается, она тоже это заметила, но ее это не насторожило.

– Либо всех, кого надо, уже убили, либо уже убили всех, кого не надо, либо уже убили вообще всех и мы здесь одни, – жизнерадостно сообщает Пыш. Ее неувядающий оптимизм меня просто потрясает. – Надо бежать отсюда, как мы и хотели, но сначала надо поесть.

Вот тут она вновь права. На все сто процентов. Чувствую только сейчас, хорошо выспавшись, насколько сильно я проголодалась. Покончив со всеми гигиеническими процедурами, мы решаем найти еду. Но сначала запасаемся туалетной бумагой и бумажными полотенцами, засовывая их за отвороты рукавов и штанин, сколько возможно, – неизвестно, когда еще сюда вернемся, и вернемся ли вообще. Резинки, прижимающие материал к телу, прочно удерживают наши запасы. Тут спутница, спрятав последнее бумажное полотенце в штанине, обнаруживает, что подошвы ее мягких туфель, таких же, какие выдали и мне сразу после медосмотра, потрескались от хождения по кускам штукатурки и битому стеклу, о чем и сообщает вслух, не обращая ни к кому конкретно и с завистью смотря на мои солдатские ботинки. «А-а! – думаю я. – Надо было меня послушать». Вслух ничего не говорю.

Подходя к нашему охранному сооружению, собираюсь с силами выдергивать топор, но Пыш превосходит все мои ожидания – бьет по топорщику снизу ногой, выбивает топор

сверху с треском дерева и довольно ловко подхватывает его на лету. У меня возникает вопрос, а не занимается ли она тайно, как и я, каким-либо видом рукопашного боя. Надо будет как-то поаккуратнее это узнать. Занятия гимнастикой с такой фигурой, как у нее, я не рассматриваю.

Выходя в коридор, первое, что видим, – отпечатки наших ног. Мои в военных ботинках, побольше, спутницы – в маленьких туфлях, поменьше. Мы, что естественно, перепачкали ноги кровью в лаборатории. Смотрим под ноги. Следов нет. Значит, подошвы уже просохли в туалете, где нет на полу луж.

Гравикамов в воздухе больше не видно, и то хорошо. Правда, здесь есть наверняка скрытые телекамеры и микрофоны направленного действия, но они, скорее всего, сейчас не работают из-за аварии, как и почти все вокруг. Иначе бы не стали выпускать гравикамы. А даже если и нет и какие-то из них все-таки работают, что, на мой взгляд, крайне маловероятно, то с учетом серьезности произошедшего в «Нектаре» вряд ли кому-то есть до нас дело. Подойдя к окну, видим, что, судя по положению солнца, сейчас утро, а Пирамида все так же включена, и за ее лучами, кроме неба и облаков, ничего не рассмотреть, что бы хоть как-то напоминало спасательную деятельность. Значит, мы проспали всю вторую половину вчерашнего дня и всю ночь! Как это могло произойти?!

Именно это и спрашивает у меня Пыш. Я перебираю в

уме все возможные варианты и неожиданно быстро нахожу вполне реалистичный, на мой взгляд, ответ.

– Снотворный газ из лаборатории. Тот самый, который используется при ОЗС. Мы надышались им, когда там были, и вот тебе результат – проспали на полдня больше времени, чем требуется на обычный сон, – объясняю я девушке, вспоминая рассказы учительницы химии в школе об опасных качествах различных газов.

– А что сразу не вырубались от этого газа? – снова спрашивает она меня. – Ну прямо там, в этой страшной лаборатории?

– Наверно, потому, что концентрация не та, да и были недолго, – разъясняю я ей, вспоминая опять слова химички. – Мы же находились не в самих установках, а снаружи их.

– А он, газ этот, снова на нас тут не подействует, если все еще оттуда идет? – с некоторой боязливостью вновь интересуется она, кивая головой в сторону злосчастной лаборатории.

Хороший вопрос.

– Думаю, что нет, – отвечаю я. – Он у них либо кончился, либо автоматика заблокировала его подачу, зафиксировав утечку. Иначе мы бы не проснулись. За то время, пока мы спали, он бы наверняка проник в помещение туалета и отравил нас насмерть. Таким газом в большом количестве можно и убить, – добавляю я и уже в свою очередь киваю головой, но теперь в сторону ВИП-сортира, ставшего для нас

ночлежкой.

Пыш молча смотрит на дверь элитарного тубзика и прекращает свои расспросы на эту тему. Это просто прекрасно.

Кто бы мог подумать, что мне пригодятся уроки химии в школе. Оказывается, и от них есть польза! Чего только не бывает в жизни!

В саду, между Пирамидой и зданием, в котором мы находимся, никакого движения не наблюдается, констатирую я, глядя из окна. Я все жду с боязнью, что моя сестра по несчастью захочет вернуться в разгромленную лабораторию за ботинками «тушки». Мне возвращаться в это место совсем не хочется, а отпускать ее одну тем более. Упадет там в обморок от повторного вида всего этого кошмара, доставай потом. А бросать нельзя. Заберут еще эти мерзкие роботы, если припрутся туда. И конечно же, этот странный пугающий голос, умудряющийся пробираться прямо в мозг, не выходит у меня из головы.

Но, к счастью, у моей союзницы сейчас совсем другие планы, о чем она и заявляет. Желание поесть превосходит желание переобуться. У меня тоже уже урчит в животе.

Возвращаемся в коридор перед туалетом, Пыш небрежно отбрасывает ногой обломки гравикама, занося топор в боевое положение, и мы подходим к дверям с металлическими полированными ручками. Пробую открыть одну из них. Дверь не заперта, а просто перекошена. Открывается в противоположную от нас сторону. Толкаем ее руками и плеча-

ми, но ничего не помогает.

– Давай тараном, – говорю я.

– Давай, – соглашается моя воинственная спутница.

Тогда я поднимаю руки на уровне груди и сжимаю их в кулаки, выставляя вперед правое плечо, Пыш поднимает топор, зажатый в обеих руках, и выставляет вперед левое плечо. Не сговариваясь, отходим на пару метров назад и, переглянувшись и кивнув друг другу головами, с короткого разбега бьемся плечами в дверь. Она с треском распаивается, и мы, едва удержав равновесие после удара, оказываемся в таком же коридоре, как и тот, по которому пришли. По бокам двери тоже разруха, тот же аварийный свет, только окон нет.

Но что-то не так. Голоса. Да-да! Человеческие голоса слева за стеной. И, как мне показалось, знакомые. Похоже на оборвавшийся на полуслове разговор. Поворачиваюсь к союзнице и прижимаю указательный палец к своим губам. Пыш дважды понимающе кивает головой. Вытаскиваю пистолет, снимаю с предохранителя, навожу на ближайшую дверь и замечаю на каждой из двух ее створок по изображению из бронзы чашки с дымом над ней. Так это, наверное, буфет, кафе или что-то подобное! Почему так просто и не написать? Ох уж эти клиенты «Нектара», любят всякую вычурность. Проклятый истеблишмент! Все эти размышления сами собой мгновенно возникают и исчезают в моем мозгу. Сапфировый огонек лазера пляшет на ближайшей створке, на экран с цифрами уже не обращаю внимания. Не до этого.

Будут заканчиваться патроны – замену магазин. На цыпочках подкрадываемся к левой стене и так же, как можно тише, крадемся к ближайшей двери. Мысленно отмечаю удобство новых ботинок и немного горжусь тихостью своей поступи. Тренировки с дедом научили не только драться, но и плавно двигаться. По отсутствию звуков нетрудно догадаться, что люди услышали шум, но, вероятно, еще не знают о нас и тем более наших намерениях. Они могут заподозрить в разрушении двери знакомый нам тип ботов или еще что-то, с чем они уже столкнулись, а мы еще даже об этом и не знаем. Но углубляться в эту мысль не хочется. Скорее всего, они думают, что мы их не услышали, и решили затаиться и переждать нас, кем или чем бы мы ни были. Как бы не так! Мы тоже есть хотим!

– Это, наверное, буфет, – говорю я еле слышно, повернувшись к союзнице.

– Точно, или кафе, – соглашается она, кивая головой. Пожарно-боевой топор в ее руках еле заметно подрагивает, успеваю отметить я.

Как и пистолет в моих.

Подхожу к двери и аккуратно стучу в нее. Без ответа. Пистолет наведен на дверь, сапфировая точка над дверной ручкой, за которую я берусь и дергаю назад и вперед. Дверь заперта. Вероятно, ее поставили на место после перекашивания и последующего выбивания. Как и в нашем случае в туалете. Мне кажется, что спустя пару секунд после выбивания

нами двери мне послышался в этой части коридора щелчок замка? Или я ошиблась? Нет времени на раздумья.

– Кто там? – спрашиваю я.

– Кто надо, – звучит знакомый низкий юношеский голос, похожий на голос Качка, с которым мы летели сюда в гравилете. Примерно такого ответа я и ожидала, только, естественно, не знала от кого. – Вы кто такие?

– Мы свои, – вступает в разговор мой боевой товарищ с верным топором в руках.

– Свои дома сидят, – отвечает невидимый собеседник, но уже дружелюбнее, потом говорит, наверное, кому-то в комнате: – Это, по ходу, телки, что летели сюда вместе с нами.

Он, видимо, тоже узнал нас по голосам.

– Да-да-да, это мы, – тараторит Пыщ, услышавшая, как и я, вторую часть фразы парня, обращенную, вероятно, не к нам, и, явно радуясь наметившемуся прогрессу переговоров благодаря своим дипломатическим усилиям и желая развить успех, говорит: – Впустите нас, пожалуйста!

– Откройте, пожалуйста, мы за вас, – присоединяюсь я к союзнице.

– Да, вроде правда те самые девки, – слышу я знакомый голос. Толян? Точно, Толян!

– Валер, открой,пусти их, это та, что напротив тебя сидела в гравилете, Маша, по-моему, – еще один знакомый голос, принадлежащий высокой девчонке из гравилета, не помню имени, рядом со мной сидела, я прозвала ее Мачтой. – И с

ней еще одна. Кристина, кажется.

А вот она нас помнит. Стыдно, но запомнила имена только парней из тех скилпов, чьи голоса слышала в гравилете.

– Марин, ты, шо ль? – радостно кричит спутница, заканчивая эти неприятные переговоры через дверь.

«Точно, Марина! Хорошая память у Пыш на имена, а у меня вот только на всякие технические штучки», – с грустью думаю я.

Опускаю пистолет, ставлю на предохранитель и убираю в кобуру. Мне не хочется встречать спасшихся товарищей по несчастью с готовым к применению против них же оружием в руках, да еще на них самих и направленным.

Щелкает замок, и дверь открывается. Передо мной Валера, он же Качок. На груди у него висит на «тушкинском», судя по цвету, разгрузчике «пума» с пристегнутым штык-ножом и направленная стволом и клинком в пол.

– Привет! – здороваюсь я, кивая головой. – Можно нам войти?

– Заходите, – отвечает Качок с очень похожим на мой кивком головы, несмотря на свой воинственный вид, вполне миролюбиво, и мы проходим внутрь.

Глава 11

Качок и двое незнакомых мне парней стоят передо мной, и еще один облокотился на прилавок, стоящий недалеко от

входа. Это Толян. Незнакомцы пониже Качка ростом, крепкие, коренастые, Толян такого же роста, как и коренастые, но более худой. В гравилете он сидел в кресле, и я не смогла оценить его рост и худобу. У всех, как и у Качка, висят на также тушкинских разгрузочных жилетах автоматы с пристегнутыми штык-ножами, направленные стволами и клинками вниз. Светящихся точек лазерных прицелов не видно. «Значит, оружие на предохранителях, и они разделяют мою точку зрения о встречах потенциальных союзников», – успеваю сообразить я. Уже хорошо.

Помимо обычной для скилпов одежды, на парнях под разгрузчиками надеты броники все того же, до боли знакомого, зеленого, любимого «тушками», цвета. Мальчишки, все как один, смотрят на мой арсенал, но ничего не говорят. Похоже, они его оценили и их, естественно, заинтересовало его происхождение, но у них и своего оружия достаточно. Прекрасно. Надеюсь, не будут пытаться мое у меня отобрать и не надо будет за него драться и тем более резать и стрелять. «Наше счастье, что обошлось без стрельбы, а то Пыш и меня быстро превратили бы в подгоревший шашлык с кусочками расплавленной резины и обгоревшей бумаги из четырех автоматов», – размышляю я. Думаю, что и союзница понимает это.

За спиной слышу стук захлопывающейся двери и щелчок закрывающегося замка.

Смотрю направо, дальше вдоль стойки.

Мачта сидит перед двумя сдвинутыми вместе столиками с квадратными столешницами белого цвета, заставленными тарелками с хлебными крошками, огрызками яблок и груш, использованными салфетками, стаканами с ложечками и вишневыми косточками и парой пустых салфетниц. Рядом с ней с настороженностью и даже, как мне кажется, с некоторым испугом расположилась восточная девушка из гравилета. Ее имени я тоже не помню. Не запоминала потому, что не рассчитывала на встречу наших личностей в будущем. Как выяснилось, зря. Она коротко и молча мне кивает. Вокруг стола множество стульев. Наверное, компания как раз закончила завтрак перед нашим выламыванием двери.

Окидываю взглядом помещение еще раз. Это действительно буфет. Раза в два больше нашей школьной столовой. Стены приятного светло-бежевого цвета. Повсюду столы и стулья, лежащие на полу, но вдоль стен стоящие на ножках. Значит, здесь не так уж и сильно потрянуло, соображаю я. Рядом с ними, справа от меня, белого, как и столешницы, цвета прилавок с кассовым аппаратом, устройством для считывания кредитных карточек, прозрачной витриной из толстого пластика с какой-то, непонятно как уцелевшей, едой на блюдцах и напитками в стаканах, стоящих на также белой поверхности на ее, витрины, верху, а за ними блестящие полированным, как зеркало, металлом стеллажи с посудой и подносами, такого же блестящего металла пустые холодильники с негорящими экранчиками термометров на лицевых

панелях над раскрытыми дверцами, в дальней стене открытые двери лифта, судя по пустым полкам внутри его кабины, предназначенного для подачи готовых блюд из кухни, находящейся, наверное, где-нибудь внизу. Тарелки, блюда и подносы не попадали на пол лишь потому, что плотно стоят в стеллажах в крепежах сушек в вертикальном положении, а кружки, чашки и стаканы тоже размещены в этих стеллажах в крепежах сушек днищами вверх. Сквозь четыре окна напротив видны лучи лазеров все той же Пирамиды, через которые наблюдается утро первого дня октября и небо с переменной облачностью.

Надеюсь, это не западня. Не хватало еще нам погибнуть от рук таких же людей, обреченных на смерть личностей, как и мы сами. Но я не нахожу причины им на нас нападать и, что, конечно же, еще важнее, нас убивать. Мы же им ничего плохого не сделали. Хотя надо признать, что находиться в компании четырех хорошо вооруженных малознакомых и даже вовсе не знакомых парней не очень-то и приятно. Но девчонки, находившиеся с ними до нас, выглядят вполне нормально, а значит, парни адекватные.

– Привет! – как можно дружелюбнее здороваюсь я первой и киваю головой. – Мы уже виделись в гравилете, я Кристина.

– Здравсте! – дружелюбно говорит Пыш.

– Здравсте, красавицы! – задорно и с улыбкой отвечает Мачта. («Девчонка с юмором и не теряет присутствия духа

даже в такой тяжелой ситуации, как сейчас», – отмечаю я.) – Привет, заходите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.